

КНИГА ДЛЯ ВСЕХЪ

№ 57-58.

ПОЭЗІЯ РЕВОЛЮЦІОННОЙ МОСКВЫ

Подъ ред. И. Эренбурга.

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Издательство „Мысль“

Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Zimmerstr. 7-8.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій).

№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней. (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.).

№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ. — Послѣ бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней всѣ качества.

№ 5. Ф. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.

№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статскаго совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.

№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ.

№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоаннъ Грознаго.

№ 11. Ф. Достоевскій. Скверный анекдотъ.

№ 12. Тэффи. Сокровище земли.

№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе разсказы.

№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевскаго бунта.

№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.

№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ.

№ 57-58.

**ПОЭЗИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОСКВЫ**

Подъ ред. И. Эренбурга.

Издательство „МЫСЛЬ“
БЕРЛИНЪ
1922

DOVOLOZKY
ACQUES
EDITEUR
13 RUE BONAPARTE
TELE-GOBELEMS-53-62

Druck von Hempel & Co. O. m. b. H., Berlin SW. 68, Zimmerstr. 7|8
Наборъ типографіи Г. А. Гольдберга.

Настоящій сборникъ не является антологіей, и я далекъ отъ мысли отобразить въ немъ съ должной полнотой и всесторонностью современную русскую поэзію. Я располагалъ нѣкоторыми рукописями, повременными изданіями и книгами, вывезенными мною весной с. г. изъ Россіи. Творчество поэтовъ петербургскихъ, благодаря бѣдности матеріала представлено случайными и скудными образцами (Блокъ, Ахматова, Мандельштамъ, Гумилевъ). Совершенно отсутствуютъ Кузминъ, а также Андрей Бѣлый и Бал-грушайтисъ.

Цѣль этой книги показать, что несмотря на трудныя, а подчасъ и трагическія условія, русскіе поэты продолжаютъ свою отвѣтственную работу. Больше того—попавъ во Францію, гдѣ что ни день выходитъ новый сборникъ стиховъ, гдѣ поэты болѣе или менѣе сыты, я могъ убѣдиться въ томъ, что Музы рѣшительно предпочитаютъ подвижническія кельи одиночавшей Москвы уютнымъ кофейнямъ Монпарнасса. Безпристрастный читатель, который въ поэзіи ищетъ поэзію, а не аргументы для злободневной борьбы долженъ будетъ признать, что русская поэзія переживаетъ теперь полосу подъема. Страшные годы войны и революціи окончательно вылѣчили ее отъ анеміи, эстетизма и отъ непритязательныхъ фокусовъ различныхъ эфемерныхъ школъ.

Никогда голосъ Вячеслава Иванова не звучалъ съ такой убѣдительною ясностью и простотой, какъ въ «Зимнихъ Сонетахъ». Это добровольное обнищаніе, отказъ отъ всего великолѣпія сво-

нихъ одѣяній создали изъ Вячеслава Иванова поэта всечеловѣческаго, которымъ могутъ гордиться наши дни. Творчество цѣлаго ряда поэтовъ иного поколѣнія окрѣпло и съ разительной яркостью выявилось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Этотъ законный процессъ людямъ, разлученнымъ съ современной поэзіей, показался нѣсколько неожиданнымъ, но отъ этого не потерялъ своей реальности. Недавніе дебютанты: Маяковскій, Есенинъ, Цвѣтаева, Пастернакъ стали мастерами.

Наконецъ пришли совсѣмъ новые, какъ всегда нѣсколько сумбурной и разношерстной толпой. Изъ нихъ уже съ нѣкоторой увѣренностью можно отмѣтить имена Ковалевскаго, Казина и Буданцева.

Читатель легко опознаетъ печать современности почти на всѣхъ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ. Это свидѣтельствуешь не о какомъ либо низкомъ оппортунизмѣ, а исключительно о желаніи осознать и художественно воссоздать нашу эпоху катастрофъ и сдвиговъ. Въ выборѣ стихотвореній, тѣсно связанныхъ съ дѣющимся нынѣ столкновеніемъ различныхъ міровоспріятій, я проявилъ должное безпристрастіе, представивъ всѣ существующіе оттѣнки отъ Маяковскаго до Цвѣтаевой, поскольку они находились въ предѣлахъ подлинной поэзіи.

Еще быть можетъ одно обстоятельство бросится въ глаза читателю—это нѣкоторое формальное «поправѣніе» современной поэзіи, то есть приближеніе ея по обороту спирали къ классическимъ образцамъ, реабилитация ямбовъ и рѣшительное преобладаніе архитектурной ясности надъ ассоціативными туманностями. Это направленіе внѣшне какъ бы расходится съ молодой русской живописью или театромъ. Но противорѣчіе это иллюзорное, на самомъ дѣлѣ несуществующее. Поэзія, какъ и другіе виды искусствъ, послѣдніе годы устремляется къ задачамъ конструктивнымъ, къ строгости формъ,

къ ясности построеній и къ максимальной общности чувствованій. Импрессионизмъ—въ его анархическихъ, предѣльно индивидуалистическихъ формахъ преодолень, и тѣми изъ символистствъ, которые продолжаютъ жить и двигаться, и футуристами. Можно съ увѣренностью сказать, что, съ точки зрѣнія внѣшнихъ раздѣленій и борьбы различныхъ формъ, русская поэзія впервые послѣ 90-хъ годовъ, то есть эпохи первыхъ атакъ символизма, представляетъ собой достаточно однородный, сплоченный станъ.

О цѣнности достижений сможетъ судить всякій по своимъ законамъ. Но надѣюсь все же, что книга эта будетъ нечаянной радостью для многихъ и покажетъ имъ, какъ несправедливы разсужденія о гибели російской поэзіи. Въ Россіи выходитъ очень мало книгъ. Не только, чтобы напечатать стихи, но порой, чтобы ихъ написать у поэта не находится четвертушки бумаги. Общія матеріальныя условія жизни достаточно извѣстны. Но великое потрясеніе, которое принесло поэтамъ голодъ и муку, поэзіи дало новый пафосъ (однимъ—отчаянія, другимъ—надежды) и, я вѣрю, что любящій дѣйствительно русскую литературу съ радостью приметъ эту книгу, какъ благоую вѣсть о томъ, что живыхъ не надо искать средь мертвыхъ.

Илья Эренбургъ

Р. С. Заглавіе настоящаго сборника принадлежитъ не мнѣ, но издательству.

Августъ 1921 г.

Поэзия революционной Москвы

Адались.

* * *

Дѣла любви несложны и невинны,
Не много тайнъ влюбленный узнаеть:
Мы измѣряемъ свѣтлыя глубины,
Принявъ любовь за корабельный лоть.

Пучины дней въ лицо лучами мѣтятъ,
Очамъ темны и солоны устамъ,
И не понять — морскія-ль звѣзды свѣтятъ,
Небесныя-ль трепещутъ по ночамъ!

О, грозный понть! Испытанно и зыбко
Твоя зеленая вскипаетъ кровь.
Волнѣ волна — не первая ошибка,
Волна волнѣ — не первая любовь.

Доносить вѣтеръ праздные вопросы,
Качаютъ волны древнюю весну, —
И только мы, жестокіе матросы,
Любовью измѣряемъ глубину!

* * *

Ахъ, на глаза-ль твои, на губы-ль
Должна я пѣть на новый ладъ,
Когда любовь пошла на убыль,
Повѣявъ тысячью прохладъ.

Неправедное это дѣло, —
Любовь за жизнью пустой,
Какъ мѣдъ коринфская звенѣла,
А таетъ будто воскъ простой.

Не стыдно ли глядѣть невинно,
Не стыдно ли уразумѣть,
Что воина и римлянина
Плѣнила восковая мѣдъ.

И вотъ за нѣжныя долины
Метнулъ для полуночныхъ золь
Свой тусклый щитъ, свой щитъ пчелиный
Отчаявшійся дискоболъ.

И вотъ окрестности ясныѣ. /
Не сожалѣй, не суесловъ,
Въ медовомъ холодѣ коснѣя,
Стоитъ ущербная любовь.

1920.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Тяжело-звонкое скаканье,
По потрясенной мостовой,

Пушкинъ.

Се — Азь лечу по струнамъ магистралей
Въ россійскій бредъ и колокольный гуль.
Софія тамъ, царица ли, сестра ли,
За ураганомъ перекрестныхъ дуль.

Се — въ облакахъ гудятъ мои ботфорты,
Броню Дракона бѣшено топча.
Се — Азь лечу. За мною войскъ когорты,
Качается набатомъ каланча.

Траншеи, развороченныя шпалы,
Казармы смрадъ, жаръ топокъ паровыхъ,—
Такъ начался походъ машинъ усталыхъ
На хищный разумъ, вышколившій ихъ.

На костыляхъ, всей грудью припадая,
Откинувъ дымъ со лѣбовъ, крича: назадъ,
Грядеть за мной голодная орда ихъ.
Окно въ Европу стало срывомъ въ адъ.

Препонъ форты механикъ Императоръ
Расплавлю храпомъ мѣднаго коня.
Изъ тьмы чудовищъ Міровой театръ
Неукротеннымъ предпочель меня.

И я застылъ надъ гадиной злодѣйства,
Простуженъ вѣтромъ ладожскимъ — лечу.
Замѣнитъ мнѣ игла Адмиралтейства
За упокой горящую свѣчу.

НА РОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦА.

Дитя. Понимаешь ты? вотъ онъ, твой міръ, —
златотронная школа:
Кружится за глобусомъ глобусъ. Сражаются
чучела тьмы.

Будь смѣлымъ, будь нищимъ. И жадно сквозь
щель бредового раскола
Разлейся въ глаза первымъ встрѣчнымъ
и мертвымъ заройся въ умы.

Не тьма за окномъ подымалась, не время
за временемъ стлалось,—
Изъ праха растущее тѣлице несли пеленать
въ паруса.

Твоя колыбель—цѣлый городъ и вся міровая
усталость,
Твоя колыбель развалилась, подыmemъ тебя
на лѣса,

Рожденный въ годину расплаты, о тѣхъ, кто
платилъ, не печалься,—
Мы все по счетамъ заплатили, недаромъ на
вышку ты взлѣзь,

Недаромъ отъ Волги до Рейна — подъ легкую
— музыку вальса,
Подъ громъ императорскихъ гимновъ, подъ
огненный маршъ марсельезъ,

Студенты, попы, кочегары, шпионы,
застрѣльщики, вѣстники,
Полки, корпуса Бѣлой Расы, другъ друга
зовутъ изъ-за горъ.

Въ содружествѣ бурь всенародныхъ и въ смерти,
какъ въ жизни, ровесники;
Недаромъ, недаромъ, недаромъ межъ вами
нѣмой договоръ.

Такъ слушай, смиренно, всѣ правды, вѣщанные
въ томъ договорѣ,
Тебя обступили три вѣка шкафами нечитанныхъ
книгъ.

Ты маленькій ихъ барабанщикъ, вѣкамъ
выбивающій зорю,
То бьетъ въ барабанъ твоей жизни самъ Богъ —
твой громовый Двойникъ.

Анна Ахматова.

* * *

Чѣмъ хуже этотъ вѣкъ предшествовавшихъ?

Развѣ

Тѣмъ, что въ чаду печалей и тревогъ
Онъ къ самой черной прикоснулся язвѣ,
Но исцѣлить еѣ не могъ.

Еще на западѣ земное солнце свѣтитъ,
И кровли городовъ въ его лучахъ горять...
А здѣсь ужъ бѣлая дома крестами мѣтитъ,
И кличетъ вороновъ, и вороны летятъ.

— — —

Александръ Блокъ.

Надъ старымъ мракомъ міровымъ
Исполненнымъ враждой и страстью,
Навстрѣчу кликамъ боевымъ
Зарѣетъ небо новой властью.

И скоро сумракъ тучъ прорвутъ
Лучи — зубцы ея короны,
И люди съ битвы потекутъ
Къ ея сверкающему трону.

Ослѣпнемъ въ царственныхъ лучахъ
Мы, знавшіе лишь ночь да бури,
И самый міръ сотрется въ прахъ
Подъ тихимъ ужасомъ лазури.

* * *

Смѣялись бѣдные невѣжды, —
Похитилъ я, молодой пѣвецъ,
У безнадежности — надежды,
У безконечности — конецъ.

Миѣ самому и дикъ и страненъ
Тотъ свѣтъ, который я зажегъ,
Я самъ своей стрѣлою раненъ,
Самъ передъ новымъ изнемогъ.

Идите мимо — погибаю,
Глумитесь надъ моей тоской,
Мой міръ переживетъ, я знаю,
Меня и страшный смѣхъ людской.

* * *

Въ тѣ дни, когда душа трепещеть
Избыткомъ жизненныхъ тревогъ,
Въ какихъ-то дальнихъ сферахъ блещеть
Мнѣ Твой, Далекая, чертогъ.

И я стремлюсь душой тревожной
Отъ бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
Къ твоимъ чертогамъ трудень путь.

Оттуда свѣтитъ лучъ холодный,
Сіяетъ куполь золотой —
Доступный лишь душѣ свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослѣпишь сверканьемъ
Отвыкшій отъ видѣній взглядъ,
И уязвленная страданьемъ
Душа воротится назадъ.

И будетъ жить, и будетъ видѣть
Тебя, сквозящую вдали —
Чтобъ только злѣе ненавидѣть
Пути постылые земли.

Валерій Брюсовъ.

Помню, помню: вечеръ нѣжный;
За окномъ просторъ безмолвный;
Бѣлой яблони цвѣты;
Взоръ твой милый, неизбежный;
Миги катятся какъ волны;
Въ цѣломъ мірѣ — я и ты.

Помню, помню! Это было —
Словно въ пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лѣтъ назадъ!
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко —
Въ новый рай и въ новый адъ.

Розы, лавры, олеандры,
Лица съ черными глазами,
Блескъ побѣдъ, паденій стыдъ...
Какъ въ видѣніи Кассандры
Тѣнь стигійская межъ нами
Окровавлена стоитъ.

Нѣтъ къ прошедшему возврата.
Все въ пространствѣ по орбитамъ
Мы должны впередъ скользнуть,
Стать чужими — вотъ расплата
За блаженство: въ тѣлѣ слитомъ
Сердце съ сердцемъ соединить!

/

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ.

Вой, вѣтеръ .осени третьей,
Просторы Россіи мети,
Пустыя обшаривай клѣти,
Нищихъ вали на пути;

Насмѣхайся горестнымъ плачемъ,
Глядя, какъ голодъ, твой братъ,
То зерно въ подземельяхъ прячетъ
То душисть грудныхъ ребятъ;

Догоняй поѣзда на уклонахъ,
Гдѣ въ теплушкахъ люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонутъ,
Дрожа на мѣшкахъ съ крупой;

Въ городахъ безфонарныхъ, беззаборныхъ,
Гдѣ пляшетъ нужда въ домахъ,
Покрутись въ безлюдіи черномъ,
Когда то шумномъ, въ огняхъ;

А тамъ, на погнутыхъ фронтахъ,
Куда толпы пришли на убой,
Дымъ разстилай къ горизонтамъ,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, вѣтеръ съ горячихъ взморій,
Гдѣ спитъ въ олеандрахъ рай,
Развѣвай наше русское горе,
Наши язвы огнемъ опалай!

Но вслушайся: въ гулъ орудій,
Подъ проклятья, подъ вопли, подъ громъ,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поемъ?

Ты, летящій съ морей къ равнинамъ,
Съ равнинъ къ зазубринамъ горъ,
Иль не видишь; подъ стягомъ единымъ,
Вновь сомкнуть великій просторъ!

Надъ нашимъ нищенскимъ пиромъ
Свѣтъ небывалый зажженъ,
Торопя надъ встревоженнымъ міромъ
Золотую зарю временъ.

Эй, вѣтеръ, вѣтеръ! повѣдай,
Что въ распряхъ, въ тоскѣ, въ нищетѣ,
Идетъ къ заповѣднымъ побѣдамъ,
Вся Россія, вѣрна мечтѣ,

Что прежняя сила жива въ ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой, все властнѣй, все державнѣй
Земныя ведетъ племена!

CLASSISCHE WALPURGISNACHT.

(Гете. Фаустъ, часть 2).

Ночи, когда надъ городомъ
Дымы лѣсныхъ пожаровъ,
А выше, эллинскимъ морокомъ,
Гекаты проклятыя чары, —

Всѣ углы видѣньяи залили,
Закруживъ ихъ дьявольскимъ вальсомъ,
И четко Судьбы сандалии
Стучать по изрытымъ асфальтамъ.

Дыша этой явью отравленной,
Ловя въ ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двухъ голубковъ Афродиты;

Лоть любви, морякъ озадаченный,
Бросай въ тревогѣ безсонныхъ вахтъ!
Иль въ Совѣтской Москвѣ назначена
Classische Walpurgisnacht?

Подползаютъ на брюхѣ сфинксы,
Стимфалиды взмываютъ крыломъ,
Чу! Скачетъ сквозь мракъ лабиринтскій
Мудрый кентавръ, Хиронъ.

Куда? не къ Еленѣ ли?
Лебедемъ въ гриву вплетись,
Нѣги Эгейскія вспѣнйвай
Къ Скейскимъ высотамъ мчись!

Городъ иль море?
Троя иль Ресѣсеръ?
Мы съ Фаустомъ поспоримъ
Въ перегонкѣ сферъ!

Запрокинулась Большая Медвѣдица,
Глазъ Гекаты мѣтитъ гостей,
А дымъ пожара все стелется,
Заливая нашу постель.

Сергѣй Буданцевъ.

РОССІИ.

Съ Москвы черезъ Рязань на Астрахань ветловая
дорога,
почтовый непроѣзжій трактъ.

Столѣтій неизжитая морока
пенастѣй выпила обрюзглый страхъ и мракъ.

Истасканъ день.

Морщинистъ лика быть,
тысячелѣтій быть морщинистъ у порѣчій.
Забыть по тракту звонъ копытъ,
породистыхъ кобыль звонъ рѣзкій и горячій.

Такъ это Ты;

Власть Тьмы
и Ревизоръ.

И кто-то изъ Тебя

(подуетъ какъ на блюде)
пѣть твой великій подвигъ и раззоръ
кровавыхъ и угрюмыхъ революцій.

Провидцу снится
какъ будетъ бить и виться
изъ всѣхъ могилъ обличья и обычай.

Вѣдь это Онъ надъ киселемъ провинцій
на небѣ вязнетъ неумершіи Городничій.

Обтянута въ преданій плѣсень,
ветловый трактъ забыла и измаяла,
когда здѣсь бушевалъ

глумился

куралесиль
прахъ бригадира Льва Измайлова.

Неистовъ бригадиръ.
И слухъ о немъ неистовъ.
И рѣжетъ спину на конюшнѣ плеть.
Неужто такъ отъ свиста и до свиста
Рожать мученія и счастьемъ болѣть?

Рожай!

Болѣй!

Я вижу самъ въ пенастьяхъ,
что нынче день, какъ вѣчный арестантъ.
Когда жъ глаза не будетъ злобой заститъ
могиль и призраковъ непобѣжденный стантъ?

Май 1919 г.

ДЕНЬ.

(Изъ поэмы «Родина и Современникъ»).

Ради дня раскрытаго in foliis
И небесныхъ вольныхъ мастеровъ
Я живу, пишу. Не оттого ли
И дрожить въ рукѣ перо?
Заструилась ранняя дорога,
Льнетъ шоссе къ поляни за тоской.
Каждый вечеръ, — будто думалъ Гоголь
Разселить Диканьку по Тверской.
И глаза мои роятся, словно
Богъ расцвѣлъ въ Коломенскомъ быту.
Здравствуй снова, сновъ зеленыхъ ловля,
И сѣтями испытай.
Испытай меня заводами, горстями
Алыхъ брызгъ — возстаньями, войной,
Пусть столѣтье пологомъ растянеть
Эту волю надо мной.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ОКТЯБРЬ».

1.

Октябрь постучалъ въ околицу,
На крыльяхъ пришесть весну,
А рига сложенная молится,
Не видитъ — огонь блеснулъ.
Схватилъ за нечесаны волосы,
Мотнулась ея голова,
И крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ:
Соломенная вставай!
Довольно къ поповымъ подмосткамъ!
Весна въ октябрь расцвѣла...
И голосъ властный и четкій
Звенить по соломѣ села.
Довольно бигься кликушей
О барское крыльцо.
Плеснуло солнце въ души
И слезное лицо.
Рыданья подъ сугробами
Цвѣтами проросли.
И зерна звѣздъ мы торбами
Разсѣемъ въ новы земли.
Мы огненными косами
Надрѣжемъ снѣжный дымъ,
Чтобъ проросли розами
Мужицкіе слѣды.
За ясными полями
И красно и свѣжо.
А липы новыми лаптями
Поскрипываютъ о снѣжокъ.

2.

Заснѣжилъ жижу въ лужахъ,
Засеребрилъ кирпичъ,
Звени, октябрь, и, стужа,
Ничтожныхъ возвеличь!
Онъ грудью груди встрѣтилъ
Сугробы обагря,
Но вѣтъ вешній вѣтеръ
На крыльяхъ октября.
Нежданнами цвѣтами
Скупой металлъ прорось,
Надъ сталью и станками
Цвѣтутъ букеты розъ.
Покрыль руды, желѣза
Корявое лицо, ^
И ржавые нарѣзы
Цвѣточною пылью.
Знамень мы роци строимъ,
Гдѣ солнцемъ всѣ пьяны.
Какой Олимпійской игрою
Въ восторгѣ души зажжены.

ИЗЪ «СТИХОВЪ О МОСКВѢ».

1.

Въ переулкахъ тѣсныхъ — гуль нагрузки.
Надъ крыльцомъ—кустарный голубокъ.
Теремокъ! Аляповатый русскій
Размалеванный лубокъ.
Пестрота отъ этихъ самыхъ Азій,
Грязь отъ сна, въ которомъ Русь спала.
Надъ просторомъ бѣдности и грязи —
Золотые купола.

2.

... И кумушки клялись со всѣхъ сторонъ,
Что трудно жить, что лучше-бъ — по
старинкѣ.

О вѣтеръ бунта! Опрокинувъ тронъ,
На ближнемъ рынкѣ расплескалъ ты кринки.
И лавочникъ свободу презиралъ.
И видѣли Кремлевскія ворота,
Какъ Иверской лукавый генералъ
Молился за успѣхъ переворота.

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ ТРАМВАЙ.

Шель я по улицѣ незнакомой
И вдругъ услышалъ вороній грай —
И звоны лютни, и дальніе громы,
Передо мной летѣлъ трамвай.

Какъ я вскочилъ на его подножку
Было загадкою для меня.
Въ воздухъ огненную дорожку
Онъ оставлялъ и при свѣтѣ дня.

Мчался онъ бурею, темной, крылатой,
Онъ заблудился въ безднѣ временъ...
Остановите, вагоноважатый,
Остановите сейчасъ вагонъ!

Поздно! Ужъ мы обогнули стѣну,
Мы проскочили сквозь рощу пальмъ,
Черезъ Неву, черезъ Ниль и Сену
Мы прогремѣли по тремъ мостамъ.

И промелькнувъ у оконной рамы,
Бросилъ намъ вслѣдъ пытливый взглядъ
Нищій старикъ, конечно, тотъ самый
Что умеръ въ Бейрутѣ годъ назадъ.

Гдѣ я? Такъ томно и такъ тревожно
Сердце мое стучить въ отвѣтъ:
Видишь вокзалъ, на которомъ можно
Въ Индію Духа купить билетъ?

Вывѣска... кровью налитыя буквы
Гласятъ — «Зеленая», — знаю, тутъ
Вмѣсто капусты и вмѣсто брюквы
Мертвыя головы продають.

Въ красной рубашкѣ, съ лицомъ какъ вымя
Голову срѣзалъ палачъ и мнѣ.
Она лежала вмѣстѣ съ другими
Здѣсь въ ящикѣ скользкомъ, на самомъ днѣ.

А въ переулкѣ заборъ дощатый,
Домъ въ три окна, и сѣрый газонъ...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчасъ вагонъ!

Машенька, ты здѣсь жила и пѣла,
Мнѣ, жениху, коверъ ткала.
Гдѣ-же теперь твой голосъ и тѣло,
Можетъ-ли быть, что ты умерла?

Понялъ теперь я — наша свобода
Только оттуда бьющій свѣтъ.
Люди и тѣни стоятъ у входа
Въ зоологическій садъ планетъ.

И сразу вѣтеръ знакомый и сладкій,
И за мостомъ летитъ на меня
Рсадника длань въ желѣзной перчаткѣ
И два копыта его коня.

Вѣрной твердынею православья
Врѣзанъ Исаакій въ вышинѣ.
Тамъ отслужу молебенъ о здравьи
Машеньки и панихиду по мнѣ.

Но все жъ навѣки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думалъ.
Что можно такъ любить и грустить.

Петербургъ 1921.

ИЗЪ КНИГИ «МАТЬ».

Лишь жестокой безгнѣвнѣ нынѣ —
Слишкомъ много въ мѣрѣ скорбей;
Сынъ, суровой служи святынѣ;
Если нужно — убей.
Свѣтель мести кличъ непреложный,
Но напраснымъ убійцей не будь:
Вспомни, какъ ты сосалъ безтревожно
Материнскую теплую грудь.

191

ИЗЪ КНИГИ «ИСПОВѢДЬ ХУЛИГАНА».

Дождикъ мокрыми метлами чиститъ
Ивняковый пометъ по лугамъ,
Плюйся, вѣтеръ, охапками листьесвъ,
Я такой же, какъ ты, хулиганъ,
Я люблю когда синія чащи,
Какъ съ тяжелой походкой волю,
Животами листвою хрипящими
По колѣнкамъ мараютъ стволы.
Вотъ оно мое стадо рыжее!
Кто жъ воспѣть его лучше могъ!
Вижу, вижу, какъ сумерки лижутъ
Слѣды челоуѣчьихъ ногъ.
Русь моя, деревянная Русь!
Я одинъ твой пѣвецъ и глашатай,
Звѣриныхъ стиховъ моихъ грусть
Я кормилъ резедой и мятой.
Взбрезжи полночь луны — кувшинъ
Зачерпнуть молока березъ.
Словно — хочеть кого придушить
Руками крестовъ погостъ!
Бродить черная жуть по холмамъ,
Злобу вора струить въ нашъ садъ,
Только самъ я разбойникъ и хамъ
И по крови степной конокрадъ.
Кто видалъ какъ въ ночи кипить
Кипяченыхъ черемухъ рать?
Миѣ бы въ ночь въ голубой степи
Гдѣ нибудь съ кистенемъ стоять.

Ахъ, увяль головы моей кусть,
Засосалъ меня пѣсенный плѣнь.
Осужденъ я на каторгѣ чувствъ
Вертѣть жернова поэмъ.
Но не бойся, безумный вѣтръ,
Плюй спокойно листвою по лугамъ,
Не сотретъ меня клочка «поэтъ»
Я и въ пѣсняхъ, какъ ты хулиганъ.

ИЗЪ «СОРОКОУСТА».

I.

Видѣли ли вы,
Какъ бѣжитъ по степямъ,
Въ туманахъ озерныхъ кроясь,
Желѣзной ноздрей храпя,
На лапахъ чугунный поѣздъ?
А за нимъ
По большой травѣ,
Какъ на праздникѣ отчаянныхъ гонокъ,
Тонкія ноги закидывая къ головѣ,
Скачетъ красногривый жеребенокъ?...
Милый, милый, смѣшной дуралей,
Ну куда онъ, куда онъ гонится?
Неужель онъ не знаетъ, что живыхъ коней
Побѣдила стальная конница?
Неужель онъ не знаетъ, что въ поляхъ
безсіянныхъ
Той поры не вернетъ его бѣгъ,
Когда пару красивыхъ степныхъ
россіянокъ
Отдавалъ за коня печенѣгъ?
Поиному судьба на торгахъ перекрасила
Нашъ разбуженный скрежетомъ плесъ —
И за тыщи пудовъ конской кожи и мяса
Покупаютъ теперь паровозъ.

2.

Чертъ бы взялъ тебя скверный гость!
Наша пѣсня съ тобой не сживется.
Жаль, что въ дѣтствѣ тебя не пришлось
Утопить, какъ ведро въ колодезь.
Хорошо имъ стоять и смотрѣть,
Красить рты въ жестяныхъ поцѣлуяхъ.
Только мнѣ, какъ псаломщику пѣть
Надъ родимой страной Аллилуйя.
Оттого то въ сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинокъ,
Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягодъ рябина.
Оттого то выросла тужиль
Въ переборы тальянки звонкой
И соломой пропахшій мужикъ
Захлебнулся лихой самогонкой.

Августъ 1920.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ИСПОВЪДИ ХУЛИГАНА».

Бѣдные, бѣдные крестьяне,
Вы навѣрно стали некрасивыми,
Также боитесь Бога и болотныхъ иѣдръ.
О, если бѣ вы понимали
Что сынъ вашъ въ Россіи
Самый лучший поэтъ!

Вы ль за жизнь его сердцемъ не шидивѣли,
Когда босыя ноги онъ въ лужахъ осеннихъ
мокалъ?

А теперъ онъ ходитъ въ цилиндрѣ
И лакированныхъ башмакахъ!

Но живеть въ немъ задоръ прежней вправки
Деревенскаго озорника.

Каждой коровѣ съ вывѣски мясной лавки
Онъ кланяется издалека.

А встрѣчаясь съ извозчикомъ на площади,
Вспоминая запахъ навоза съ родныхъ полей,
Онъ готовъ нести хвостъ каждой лошади
Какъ вѣнчальнаго платья шлейфъ.

Ноябрь 1920.

ИЗЪ КНИГИ «ТРЕРЯДНИЦАЪ».

1.

Мариенгофу.

Я послѣдній поэтъ деревни,
Скромень въ пѣсняхъ досчатый мостъ.
За прощальной стою обѣдней
Кадящихъ листвою березъ.
Догорить золотистымъ пламенемъ
Изъ тѣлеснаго воска свѣча,
И луны часы деревянные
Прохрипятъ мой двѣнадцатый часъ.
На тропу голубого поля
Скоро выйдетъ желѣзный гость.
Злакъ овсяный, зарею пролитый,
Соберетъ его черная горсть.
Не живыя, чужія ладони,
Этимъ пѣснямъ при васъ не жить.
Только будутъ колосья — кони
О хозяйнѣ старомъ тужить.
Будетъ вѣтеръ сосать ихъ ржанье,
Танихидный справляя плясъ.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипятъ мой двѣнадцатый часъ.

2.

Я покинулъ родимый домъ,
Голубую оставилъ Русь.
Въ три звѣзды березнякъ надъ прудомъ
Теплитъ матери старой грусть,
Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой водѣ.
Словно яблочный цвѣтъ, сѣдши
У отца пролилась въ бородѣ.
Я не скоро, не скоро вернусь
Долго пѣть и звенѣть пургѣ.
Стережетъ голубую Русь
Старый клень на одной ногѣ.
И я знаю, есть радость въ немъ,
Тѣмъ, кто листьевъ цѣлуетъ дождь.
Оттого, что тотъ старый клень
Головой на меня похожъ.

ПѢСНЬ О СОБАКѢ.

Утромъ въ ржаномъ закутѣ,
Гдѣ златятся рогожи въ рядѣ,
Семерыхъ оценила сука,
Рыжихъ семерыхъ щенятъ.
До вечера она ихъ ласкала,
Причесывая языкомъ,
И струился снѣжокъ подталый
Подъ теплымъ ея животомъ.
А вечеромъ, когда куры,
Обсиживаютъ шестокъ,
Вышелъ хозяинъ хмурый,
Семерыхъ всѣхъ поклатъ въ мѣшокъ.
По сугробамъ она бѣжала,
Поспѣвая за нимъ бѣжать,
И такъ долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.
А когда чуть плелась обратно,
Слизывая потъ съ боковъ,
Показался ей мѣсяцъ надъ хатой
Однимъ изъ ея щенковъ.
Въ синюю высь звонко
Глядѣла она скуля,
А мѣсяцъ скользнулъ тонкій,
И скрылся за холмъ въ поляхъ.
И глухо, какъ отъ подачки,
Когда бросятъ ей камень въ смѣхъ,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звѣздами въ снѣгъ.

К Л Ю Е В У.

Теперь любовь моя не та.
Ахъ, знаю я, ты тужишь, тужишь,
О томъ, что лунная метла
Стиховъ не расплескала лужи.
Грустя и радуясь звѣздѣ,
Тебѣ спадающей на брови,
Ты сердце выгѣснилъ избѣ,
Но въ сердцѣ дома не построилъ.
И тотъ, кого ты ждалъ въ ночи,
Прошелъ, какъ прежде, мимо крова.
О, другъ, кому жъ твои ключи
Ты золотилъ поющимъ словомъ?
Тебѣ о солнцѣ не пропѣть,
Въ окошко не увидѣть рая.
Такъ мельница, крыломъ махая,
Съ земли не можетъ улетѣть.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КОБЫЛИ И КОРАБЛИ»

Буду пѣть, буду пѣть, буду пѣть!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чемъ скорбѣть,
Значить можно чему улыбаться.
Всѣ мы яблоко радости носимъ,
И разбойный намъ близокъ свистъ.
Срѣжетъ мудрый садовникъ — осень,
Головы моей желтый листь.
Въ садъ зари лишь одна стезя,
Сгложетъ рощи октябрьскій вѣтръ.
Все познать, ничего не взять
Пришелъ въ этотъ мѣръ поэтъ.
Онъ пришелъ цѣловать коровъ,
Слушать сердцемъ овсяный хрустъ
Глубже, глубже, серпы стиховъ!
Сыпь черемухой, солнце кустъ!

ГИМНЫ ЭРОСУ.

Отъ кликовъ ночью лунной
Оленьяго самца
До арфы тихострунной
Унылаго пѣвца,
Заклятіемъ кольца
Изъ-подъ плиты чугунной
На краткое мгновенье
Зовущее видѣнье
Невѣстина лица, —

Отъ соловьиныхъ чаръ
Надъ розой Суристана
И голубиныхъ паръ
Гурлящихъ у фонтана,
И вздоховъ океана
До скрипокъ и фанфаръ,
Замкнувшихъ стонъ міровъ
Въ одинъ предсмертный зовъ
Изольды и Тристана, —

Томленья всѣхъ скитальцевъ
По цѣли всѣхъ дорогъ,
Ты, Эросъ, другъ страдальцевъ,
Палачъ и мистагогъ,
Голодныхъ алчный богъ,
Пчелиной зыбью пальцевъ
У струй, звенящихъ въ зноѣ,
Сливаешь въ гимнъ, живос
Манящій за порогъ!

Тобой произнесенный, вникъ
И въ звонъ златого лука,
И понять ученикъ,
Что золото — разлука,
Что Смерть — Любви порука,
Что Смерть — Любви двойникъ ;
Что для души земной
Огъ — судьбы одной
Два имени, два звука.

— — —

ЗИМНИЕ СОНЕТЫ.

I.

Скользятъ полозья. Свѣтель мертвый сиѣгъ.
Волшебнo лѣсъ торжественный засиѣженъ.
Лебяжимъ пухомъ сводъ небесъ омреженъ.
Быстрой оленя тучь подлунный бѣгъ.

Чу, колоколь поеть про дальній брегъ;
А сонъ полей безвѣстенъ и безбреженъ.
Неслѣженъ путь и жребій неизбѣженъ.
Святая ночь, гдѣ миѣ сулитъ ночлегъ?

И вижу я, какъ бы въ кристаллѣ дышомъ,
Мою семью въ дому страннопріимномъ,
Въ медвяномъ свѣтѣ праздничныхъ огней.

И сердце тайной близостью томимо,
Ждетъ искорки средь бора; но саней
Прямой полетъ стремится мимо, мимо.

II.

Незримый вождь глухихъ моихъ дорогъ!
Я подолгу тобою испытуюемъ,
Въ чистилищахъ глубокихъ, чей порогъ
Мы въ этотъ кругъ рожденьемъ именуемъ.

И гордости гасимой вотъ итогъ:
Я съ душами въ узилищахъ связуюемъ,
Доколь со всѣмъ, чего любить не могъ,
Не помирюсь прощеннымъ поцѣлуемъ.

Такъ я бѣжалъ суровыя зимы:
Полуденныхъ лобзаній, сладострастникъ,
Я праздновалъ съ природой вѣчный праздникъ,

Но кладбище сугробовъ, облакъ тьмы
И реквиемъ метели ледовитой,
Со мной сроднилъ наставникъ мой сердитый.

— — —

III.

Зима души... Косымъ издалика
Ее лучомъ живое солнце грѣеть;
Она жъ, въ нѣмыхъ сугробахъ цѣненветъ.
И ей поетъ метелицей тоска.

Оханку дровъ сваливъ у камелька,
Вари пшено, — и часъ тебѣ довлѣеть.
Потомъ усни, какъ все дремой коснѣеть.
Ахъ, вѣчности могила глубока!

Оледенѣль ключъ влаги животворной,
Застылъ родникъ текучаго огня...
О, не ници подъ саваномъ — меня!

Свой гробъ влачить двойникъ мой, рабъ
покорный,
Я-жъ истинный, плотскому измѣня,
Творю вдали свой храмъ нерукотворный.

IV.

Преполовилась темная зима,
Солнцеворотъ, что женщины раденьемъ
На высотахъ встрѣчали долгимъ бденьемъ
Я праздную; бѣжить отей дрема.

Въ лѣсъ лавровый холодная тюрьма
Преобразилась Музы нисхожденьемъ,
Онъ зыблется межъ явью и видѣньемъ,
И въ немъ стоитъ небесная сама.

«Невѣрный!» — слышу амбросійный шопоть,
«Слагался въ пѣснь твой малодушный ропоть?»
Ты остовомъ вѣтвистымъ шелестѣль.

Съ останками листвы сухой и бурой,
Какъ дубъ подъ снѣгомъ, вѣтръ въ кустахъ
свистѣль
А я въ звѣздахъ звала твой взглядъ понурый».

V.

Рыскачій волхвъ, воръ лютый, сѣрый волкъ!
Тебѣ во славу стихъ слагаю зимній.
Голодный слышу вой, Гостепримнѣй
Ко мнѣ земля, людской добрѣ толкъ.

Ты жъ ненавидимъ. Знаетъ рабій долгъ,
Хозяйскій песь. Волшебнѣй и взаимнѣй
Съ наперстникомъ глубокихъ полигимнѣй
Ты связанъ, если вѣщій гласъ не смолкъ.

Близъ мѣстъ, гдѣ челнъ души съ безвѣстныхъ
взморіи.

Причалилъ и землѣ рождень я былъ
Стонтъ на стражѣ волчій вождь, Егоріи.

Протяжно тамъ твой волкъ, шаманя, вылъ,
И съ дѣтства мнѣ понятенъ вопль унылый.
Бездомнаго огня въ степи засылой.

VI.

Ночь новолунья. А морозъ лютой
Медвѣдицы, пѣвцу надеждъ отвѣтилъ,
Что стужъ ущербъ онъ съ музой рано
встрѣтилъ,
Безпечныхъ легковѣрнѣ дѣтей.

Не сиротѣтъ вѣра безъ вѣстей
Немолчнымъ духъ обѣтованьемъ свѣтель, —
И въ часъ глухой, чу, возлагаетъ пѣтель
Весну всѣхъ весень краше и святѣй.

Звукъ оный, труубный, тотъ, что отворяетъ
Послѣдніе затворы зимнихъ вратъ,
Твой хриплый гимнъ, вождь утра, предваряетъ.

И полночь, пережившее утратъ
Біеньемъ тайнымъ сердце ускоряетъ
Любимыхъ на лицо земли возвратъ.

VI.

Худую кровлю треплетъ вѣтръ, и гулокъ
Желѣза лязгъ и стонъ изъ полутьмы.
Пустырь окрестъ подъ пеленой зимы,
И кладбище сугробовъ — переулокъ.

Часъ неурочный полночь для прогулокъ
По городу, гдѣ, мнится, духъ чумы,
Прошелъ и жизнь глухой своей тюрьмы
Въ потайной схоронилась закоулокъ.

До хижины я ноги доволокъ,
Сквозь утлыя чьи стѣны дуетъ выюг.
Но гдѣ укрыть отъ стужи уголокъ.

Тепло въ чэртѣ магическаго круга;
На очагѣ клокочетъ котелокъ,
И свѣтитъ Агни, какъ улыбка друга.

VIII.

Какъ мѣсячю и бѣло на дорогахъ,
Что смертной тѣнью мѣрнѣ мой двойникъ,
Межъ тѣмъ, какъ самъ я, тайный ученикъ,
Дивясь, брожу въ Изидиныхъ чертогахъ!

И мнится: здѣшній, я лежу на дрогахъ,
Уставя къ небу мертвый, острый ликъ,
И черныхъ коней водить проводникъ,
Пустынныхъ горъ въ заснѣженныхъ отрогахъ.

И движась рядомъ поѣздъ тѣневой
По бѣлизнѣ проходитъ снѣговой,
Не вычерченъ изъ мрака лишь вожатый, —

Какъ будто сквозь него струясь, луна
Лучи слила съ зарею розоватой —
И правитъ путь пресвѣтлая жена.

IX

Твое именованіе Сиротство,
Зима, зима! Твой скорбный строй — унылость.
Удѣлъ — боговъ глухонѣмыхъ немилость.
Твой ликъ — съ устами сжатыми вдовство.

Тамъ въ вышнихъ ночи — славы торжество,
Превыспреннихъ, безплотныхъ легкокрылость;
Безвѣстье тутъ, безпамятство, застылость;
А въ нѣдрахъ — солнца, солнца рождество!

Межъ пальцевъ алавастровыхъ лампада
Психей зябкой теплится едва.
Алмазами играетъ синева.

Грозя виситъ хрустальная громада.
Подъ кровь спасайся, гдѣ трещать дрова,
Жизнь темная, отъ звѣздныхъ копій хлада.

Х.

Бездомныхъ, Боже, приютн! Нора
Потребна земнороднымъ, и берлога
Глубокая. Въ тепло глухого лога
И звѣря гонить зимняя пора.

Не гордыхъ силъ свободная игра, —
За огонекъ востепленный тревога
Въ себѣ и въ миломъ ближнемъ, — столь убога
Жизнь и любовь!.. Но все душа бодра.

Согрѣто тѣло пламенемъ крылатымъ,
Руномъ одѣто мягкимъ и мохнатымъ,
Въ звѣриномъ ликѣ веселье челоуѣкъ:

Скользятъ на лыжахъ, править бѣгъ оленій...
Кто высѣкъ искру, тотъ себя разсѣкъ,
На плоть и духъ — два міра вождѣніи.

XI.

Далече ухнеть въ полѣ вѣтръ ночной,
И теплымъ вихремъ, буйный, налстаетъ:
Не съ острововъ ли гость, гдѣ обитаетъ
На западъ солнца взятыхъ сонмъ родной:

Довременной бушуетъ оль весной;
Отрогъ зимы въ его дыханьи таетъ, —
И сторожкимъ копытомъ конь пытается
На топкой переправѣ ледъ рѣчной.

Февральскія плывутъ въ созвѣздыяхъ Рыбы,
Могильныя лучомъ шевелятъ глыбы,
Волнуютъ притяженьемъ область душъ.

Законъ ихъ своенравенъ, свычай шалый:
Вчера все стыло въ злобѣ лютыхъ стужъ;
Синѣеть въ пятнахъ доль на утро талый.

XII.

То явь или сонъ предутренній, когда
Свѣжеетъ воздухъ, остужая ложе,
Ознобъ крылатый крадется по кожѣ
И строитъ сновидѣнье царство льда?

Обманчива явленій череда:
Гдѣ морокъ? Гдѣ сущность, о Боже?
И жизнь и греза — не одно-ль и то же?
Ты бытіе; но нѣтъ къ тебѣ слѣда.

Любовь не призракъ лживый: вѣрю, чю!
Но и въ мечтаньи сонномъ я люблю, —
Дрожу за милыхъ; стражду; жду, встрѣчаю...

Въ ночь зимнюю пасхальный звонъ ловлю...
Стучусь въ гроба и мертвыхъ тороплю, --
Пока себя въ гробу не примѣчаю.

1920 г.

Рюрикъ Ивневъ.

ИЗЪ КНИГИ «СОЛНЦЕ ВЪ ГРОБЪ».

1.

Сквозь мутныя стекла вагона
На мутную Русь гляжу.
И плещется тѣнь Гапона
Въ мозгу, какъ распластанный жукъ,
Распутинъ, убитый князьями,
Въ саванѣ невскаго льда,
Считаетъ въ замерзшей ямѣ
Свои золотые года.
Кому оцѣнить эти муки?
Онъ жметъ мнѣ подъ черной водой
Живыя холодныя руки
Горячею, мертвой рукой.
И третій слѣпой, безымянный,
Желавшій надъ міромъ царить,
Сквозь окна, зарею румяной,
Меня начинаетъ томить.
И жжетъ меня Зимней Канавкой,
И гулкимъ Дворцовымъ мостомъ,
Послѣднею, страшною ставкой;
Языческимъ, дикимъ крестомъ.
Сквозь мутныя стекла вагона
На мутную Русь гляжу;
И въ сердцѣ моемъ обнаженномъ
Всю русскую муть нахожу.

Москва, Зима 1918.

2.

Въ моей душѣ не громоздятся горы,
Но въ тишинѣ ея равнинъ
Неистовства безумной Феодоры
И чернота чумныхъ годинъ.

Она сильна, какъ радуги крутыя
На деревъ кладбищенскихъ крестовъ.

Она страшна, какъ темная Россія,
Россія изувѣровъ и хлыстовъ.

Зачѣмъ же я въ своей тоскѣ двуликой
Любуюсь на ея красу?

Зачѣмъ же я съ такой любовью дикой,
Такъ бережно ее несу?

Москва, Январь 1919.

3.

На золотъ снѣга
Черный уголь злобы моеи
Чертить съ разбѣга
Косу для убійства людей.
И пряныя, пышныя кости
Какъ гроздья гигантскихъ шаговъ
Кадыть расцвѣтающей злости
Кадыльницей нашихъ головъ.
И Ты, бушевавшій когда-то,
Распятый за злобу людей,
На бѣлыя руки Пилата
Глядишь тишиною ночей.
На золотъ снѣга
Черный уголь злобы моеи
Чертить съ разбѣга
Косу для убійства людей.

Москва, Зима 1918.

ИЗЪ КНИГИ «ПЛАМЯ ЯЗВЪ»

1.

Всадники, всадники — мчитесь, мчитесь!
Я не брошусь подъ копыта вашихъ лошадей.
Не вражескихъ пуль и не стрѣлъ берегитесь,
Берегитесь потупленныхъ моихъ очей.
Моя бы сила, моя бы воля,
И, можетъ быть, злого духа страшнѣй,
Я разметалъ бы ваши кости въ полѣ,
Съ костями вашихъ вѣрныхъ коней.
Всадники, всадники, — мчитесь, мчитесь!
Сегодня — вѣтеръ. Завтра — покой.
Небо—пышная дама, а смерть ея витязь,
Вмѣсто шпаги съ чахлой клюкой.
Моя бы сила, моя бы воля,
И, можетъ быть, я сжегъ бы себя:
Собой освѣтилъ вамъ путь черезъ поле
Въ неслыханные края.

СПБ. Февраль 1917.

2.

Я не забуду этих дней неволи,
Страшнѣе каторги, юродства и любви.
Чумныя раны пересыплю солью, —
Пусть будетъ соль хрустящая въ крови.
Отъ дикой боли сжавшись какъ улитка,
Въ желѣзныхъ судорогахъ корчась до утра,
Я распиналъ себя на каждой ниткѣ
Узорнаго шершаваго ковра.
Никто не крикнулъ мнѣ—воскресни, Лазарь,
И Бога ненавидя и любя,
Какъ прокаженный отъ своей проказы,
Я убѣгалъ отъ самого себя.
Но бѣгства нѣтъ. Есть только призракъ бѣга.
И я верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ.
И смерть со мной — бѣлѣй луны и снѣга,
Хмельна, тучна — во всей своей красѣ.

Москва 1921.

3.

Пусть кожа содрана и кости перебиты.
— Ничто не ново подъ луной.
Три гроба, точно три митрополита,
Въ тяжеломъ золотѣ стоятъ передо мной.
Три сердца, захлебнувшіяся въ дружбѣ.
Четвертое распяли на крестѣ.
О, други, вотъ мое оружіе,
Кровавый стихъ на скомканномъ листѣ.
Вы вспомните тѣ дни, когда глухіе
Къ любви моей, вы мучали меня,
Когда вы гнали табуны степные
По бѣлой кожѣ Ивневскаго дня.
Вы часто руки мнѣ сжимали,
Но чаще плетью рта въ тиши
До самой кости обнажали
Крылатый горбъ моей души...
Но тайны духа не измѣрить,
Кричу кликушей, горло надорвавъ:
Христось Воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію Смерть поправъ.

Москва 1921.

Вѣра Ильина.

Хлестать вѣтровыми плетями
Въ проселкахъ затерянный май.
Любить только часъ, за плетнями,
А жизнь кое-какъ дохромать.
Въ дырявой лачугѣ на ужинъ
Ломоть посоленный сжевать,
Околицу дряхлую стужей
Крутить и рядить въ кружева.
Въ затутомъ гарью полѣсьи,
Надъ ржавчиной тусклыхъ трясины
Томить маятой и болестью
Скелеты дрожащихъ осинъ.
По глинистымъ ребрамъ и кручамъ
Поволжскую удалъ крошить,
Швыряя, какъ карту, какъ случай,
Степей ковылевую ширь.
Смѣшная и горькая участь —
Родиться въ нелѣпомъ краю,
И весень не мыслить безъ тучи,
И счастья — безъ черствыхъ краюхъ.

Москва, Дек. 1920.

* * *

Ты ль у отчизны пасынокъ?
Чтожь вытянулъ у ногъ
Черезъ луга и насыпи
Тугую сѣть дорогъ?
Вездѣ — кочевье вольное.
Палатка — Млечный путь.
Ахъ, подставлятъ не больно ли
Всѣмъ встрѣчнымъ вѣтрамъ грудь?
— Пусть Амазонка сдавлена
Въ кольцо лянъ и травъ,
Ей сонъ изъ синихъ тавлинокъ
Курится до утра.
— Пусть зябкою гагарою
Глядитъ полярный кругъ,
Тамъ звѣзды Ніагарою
Взрываютъ льдистый кубъ.
— Пусть сердце болью ранено,
Тоской родной земли,
Летятъ же за туманами
Въ безвѣстность журавли. —
Лети, крылатый первенецъ,
Свободныхъ, пѣвчихъ стай!
Лишь родину вечернюю
Любить не перестань.

Москва, Апрель 1920.

Василій Назинъ.

* * *

Охъ, праздникъ, и какой пустой!
Какую скуку сучить, сучить!
А тугъ и тучи
Окошки тушатъ темнотой.

Умолкнулъ молоточный громъ,
Черствѣетъ, тягочится кожа,
Сутулится старикомъ,
О молоткѣ тоскуя тоже.

Чу! Стуки въ тучахъ. Жаркій взмахъ, —
И ослѣпительное шило
Вонзила
Молнія въ потьмахъ.

И радостно, безъ заминки,
Загрохотали мастера:
Ахъ, вотъ, ахъ, вотъ, она пора,
Отрадной грозовой починки!

Со свѣжей дратвой дождевой
Пронзительно носилось шило,
Быстрый, брызжущій, живой,
Звончатый огонь крошило.

А я въ окошко взоромъ вросъ,
Стучу и сердцемъ и висками,
И темь, и блескъ, и прядь волосъ
Точаю впопыхахъ руками.

Отгрохотали. Высота
Лучится. Свѣжестью волнуемъ,
Выскакиваю за ворота
И хлюпаю, пою по струямъ.

И улицей люблюсь я:
Асфальтамъ весело, и чаще,
Яснѣй блестятъ изъ-подъ ручья
Ихъ лаковыя голенища.

ИЗЪ КНИГИ «СЕРДЦЕ НАРОДНОЕ
СТЕНЬКА РАЗИНЪ».

1.

Ай хяль бура бенъ
Сиверимъ сизэ чокъ.
Ай Залма —
Ай гурмышъ-джаманай.
Ай пестритесь ковры —
Моя Персія.
Ай чернитесь брови мои —
Губы — кораллы
Чарнь — чаллы.
Ай падайте на тахту
Съ ногъ браслеты.
Я ищу — гдѣ ты.
Ай желтая звѣздная Персія,
Кальяномъ душистымъ
Опьянилась душа,
Плодъ одѣяломъ шурша.
Ай — въ полумѣсяцѣ жгучая
Моя вѣра — Коранъ.
Я вся змѣя гремучая —
Твоя Мейранъ.
Ай все пройдетъ,
Всѣ умрутъ.
Съ знойно-голыхъ ногъ
Сами спадутъ
Бирюза изумрудъ.

Ай ночь въ синемъ разливная
А въ сердце ало вино.
Грудь моя спѣлая — дивная
Я вся — раскрыта окно,
Ай — мой Заремъ — мой гаремъ
Моя Персія.

2.

Сарынь на кичку
 Ядреный лапотъ,
 Пошелъ шататься по берегамъ.
 Сарынь на кичку,
 Казань — Саратовъ.
 Въ дружину дружную
 На перекличку,
 На лихо лишнее врагамъ.
 Сарынь на кичку,
 Боченокъ съ брагой
 Мы разопьемъ
 У трехъ костровъ.
 И на привольѣ волжскомъ вагою
 Зарядимъ въ грусть
 У острововъ.
 Сарынь на кичку,
 Ядреный лапотъ —
 Чеши затылокъ у перса-пса.
 Зачнемъ съ низовья
 Хватать, царапать
 И шкуру драть
 Парчу съ купца.
 Сарынь на кичку,
 Кистень за поясъ
 Въ башкѣ зудить
 Разгуль до дна.
 Свисти — глуши,
 Зѣвай — раздайся
 Слѣпая стерва. — непопадайся.
 Вввва — а.

3.

Ну рразъ еще—сарынь на кичку--
Я знаю чѣсь свой роковой —
За атаманскую привычку
На плаху лягу головой.
И пускай — я,
Все равно жизнь — малина
А струги — лебединая стая.
Разливайся Волга — судьбина
Парусами густая.
Прожиги все, — что назначено.
Добыто все — головой.
Дѣло навѣки раскачено.
Эй—заводи рулевой.

Вячеславъ Ковалевскій.

ПЛАЧЪ ПО КРАСНОАРМЕЙЦАМЪ.

(Изъ поэмы «Благословеніе хлѣбовъ»).

Медленны капли зорь
По рецепту небесной аптеки.
Что это дѣтская корь
Или плачъ библійской Ревекки?
Маркою Р. С. Ф. С. Р.
Клеймимъ папирось лбы —
Великолѣпный примѣръ:
Здѣсь начинается бытъ,
Въ небѣ Москвы чекань,
Какъ черепъ на склянкѣ,
Созвѣздіе В. Ч. К.
Надъ гробомъ Лубянки.
А вы, изъ рукъ Перекопа
Вкусившіе черныхъ просфоръ,
Кроетъ оркестровъ копоть
Вашъ героическій моргъ.
Ротъ молчаніемъ буръ,
Мозгъ заржавѣвшей розой,
Алая лава буръ
Стынетъ торжественной бронзой,
Вздернуты тѣла якорей.
Стиксъ распираютъ баржи.
Звякаютъ гири смертей
Трауермаршемъ.
Милые, столько кому
Трупнаго сплава?

Вотъ она въ небѣ коммуны
Красноармейская слава!
Скучно мнѣ. Впрочемъ, жуть
Вѣковъ изъ октябрьской рамы,
Великолѣпнѣ всѣхъ торжествъ
Человѣческой драмы.

1921 г.

НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ.

И молніи Петровой дрожи,
И троссы напряженныхъ рукъ,
И въ остропахнувшей рогожѣ
О землю шлепнувшійся тюкъ.

Заморскіе псчуйавъ грузы
И тропиками охмѣлевъ,
Какъ раскрывался у медузы
Новоголландской арки зевъ.

Но слишкомъ бѣглы — очеркъ суденъ
И чужеземныхъ флаговъ шелкъ,
Предъ своей страной безразсуденъ
Петромъ оставленный ей долъ.

Окно въ Европу! проработавъ
Свой скудный вѣкъ, ты заперто,
И въѣздъ торжественный Ламотовъ
Провалъ ведущій насъ въ ничто.

Кому жъ грозитъ возмездьемъ скорымъ
И отверзать кому врата,
Коль торгъ идетъ родныхъ просторовъ
И смерти именовъ Христа?

Осипъ Мандельштамъ.

* * *

Сестры—тяжесть и нѣжность, одинаковы ваши
примѣты.
Медуницы и осы тяжелую розу сосутъ.
Человѣкъ умираетъ, песокъ остываетъ
согрѣтый,
И вчерашнее солнце на черныхъ носилкахъ
несутъ.

Ахъ, тяжелыя соты и дѣжные сѣти,
Легче камень поднять, чѣмъ вымолвить слово—
любить.
У меня остается одна забота на свѣтѣ,
Золотая забота, какъ времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившейся
воздухъ,
Время вспахано плугомъ, и роза землю была.
Въ медленномъ водозоротѣ тяжелыя нѣжныя
розы,
Розы тяжесть и нѣжность въ двойные вѣнки
заплела.

Мартъ 1920.

2.

Безумья песь, безумья лапу дай,
О дай умалишенье тихое.
Какая золотая падаль
Мои во времени гниющие стихи.
Когда обгложетъ кость голодное наслѣдье,
И выкатить бѣлки отравленные ядомъ
Другое знанье въ облачной ладѣ
Къ вамъ приплыветъ изъ Анатолеграда.
Рыданье гирей пудовѣло въ горлѣ
Когда молилась мечь кровавой материшной
И въ бородахъ пиковыхъ королей,
Качалось солнце черной вишней.

Окт. 1919.

НАШЪ МАРШЪ.

Бейте въ площади бунтовъ топотъ!
Выше гордыхъ головъ гряда!
Мы разливомъ второго потопа
Перемоземъ міровъ города.

Дней быкъ пѣгъ.
Медленна летъ арба.
Нашъ богъ бѣгъ.
Сердце нашъ барабанъ.

Есть ли нашихъ золотъ небеснѣй?
Насъ ли сжалить пули оса?
Наше оружіе — наши пѣсни.
Наше золото — звенящіе голоса.

Зеленю лягъ лугъ,
Выстели дно днямъ.
Радуга, дай дугъ
Летъ быстролетнымъ конямъ.

Видите скушно звѣздъ небу!
Безъ него наши пѣсни вѣемъ.
Эй, Большая Медвѣдица! требуй,
Чтобъ на небо насъ взяли живѣемъ.

Радости пей! Пой!
Въ жилахъ весна разлита
Сердце бей бой!
Грудь наша мѣдь литавръ.

1918

ПРИКАЗЪ ПО АРМІИ ИСКУССТВА.

Канителягъ стариковъ бригады
Капитель одну и ту жъ.
Товарищи!
На барикады!
барикады сердцеъ и душъ.
Только тотъ коммунистъ истгый,
кто мосты къ отступленію сжегъ.
Довольно шагать футуристы
въ будущее прыжокъ!
Паровозъ построить мало —
Накрутилъ колесъ и утекъ.
Если пѣснь не громить вокзала,
то къ чему перемѣнный токъ?
Громоздите за звукомъ звукъ вы
и впередъ
поя и свища.
Есть еще хорошія буквы:
Эръ.
Ша.
Ща.
Это мало построить парами,
распушить по штанинѣ канты.
Всѣ совдепы не сдвинуть арміи,
если маршъ не дадутъ музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабанъ изъ окна багромъ.
Барабанъ,
рояль раскроя ли,
Но чтобъ грохотъ былъ,
чтобъ громъ.
Это что — корпѣть на заводахъ,
перемазать рожу въ копотъ,

и на роскошь чужую
въ отдыхъ
осовѣлыми глазками хлопать.
Довольно грошевыхъ истинъ,
изъ сердца старое вытри.
Улицы наши кисти.
Площади наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революціи дни не воспѣты.
На улицу футуристы,
барабанщики и поэты!

1919.

ПРОКИМЕНЪ.

Въ нѣмое било, стукнувъ глухо,
Ступая тупо въ мутной мглѣ,
Идетъ начетчица старуха
Творить метанія землѣ.
Стань перетянетъ жесткій поясъ,
Не дрогнетъ нитка сжатыхъ усть,
Лишь выдастъ старость, шубой кроясь,
Сухихъ колѣнъ морозный хрусть.
Идегъ, и вдругъ, какъ вздыметъ руки,
Какъ грянетъ о земь черствымъ лбомъ,
Запричитаетъ по разлукѣ,
Заголоситъ по неживомъ.
Какъ завопитъ въ тоскѣ несносной,
Твердя святыя имена,
И вихри вслѣдъ размечутъ косы,
Ея сѣдые дьякона.
И въ мутныхъ свѣтахъ, въ блѣдныхъ
бликахъ,
Едва проступятъ образа —
Иконостасовъ дымноликихъ
Несосвѣтимые глаза.
И чуть завидѣвъ строгихъ очи,
Сама отъ страха не своя,
Не то блажить, не то порочить,
Чужія скорби плачя.

1919 г.

Борисъ Пастернакъ.

ИЗЪ КНИГИ «СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ». ПАМЯТИ ДЕМОНА.

Приходилъ по ночамъ
Въ синевѣ ледника отъ Тамары,
Парой крыль памѣчалъ
Гдѣ гудеть, гдѣ кончатся кошмару.

Не рыдалъ, не сплеталъ
Оголенныхъ, исхлестанныхъ, въ шрамахъ.
Уцѣлѣла плита
За оградой грузинскаго храма.

Какъ горбунья дурна
Подъ рѣшеткою тѣнь не кривлялась,
У лампы зурна,
Чуть дыша, о княжнѣ не справлялась.

Но сверканье рвалось
Въ волосахъ и, какъ фосфоръ, трещали.
И не слышалъ Колоссъ,
Какъ сѣдѣтъ Кавказъ за печалью.

Отъ окна на аршинъ
Пробирая шерстинки бурнуса,
Клялся льдами вершинъ:
Спи, подруга, лавиной вернуса.

* * *

Ты въ вѣтрѣ вѣткой пробуящемъ,
Не время ль птицамъ пѣть,
Намокшая воробушкомъ
Сиреневая вѣтвь!

У капель тяжесть запонокъ,
И садъ слѣпитъ какъ плесъ,
Обрызганный, закапанный
Милльономъ сишихъ слезъ.

Моей тоскою выпяньченъ,
И отъ тебя въ шипахъ
Онъ ожилъ ночью нынѣшней
Забормоталъ, запахъ.

Всю ночь въ окошко торкался,
И ставень дребезжалъ,
Вдругъ духъ сырой прогорклости
По платю пробѣжалъ.

Разбуженъ чуднымъ перечнемъ
Тѣхъ прозвищъ и временъ,
Обводитъ день теперешній
Глазами анемонъ.

ДОЖДЬ.

Она со мной! Наигрывай,
Лей, смѣйся, сумракъ рви,
Тоги, теки эпиграфомъ
Къ такой, какъ ты, любви!

Снуй шелкопрядомъ тутовымъ
И бейся объ окно!
Окутывай, опутывай, —
Еще не всклянь, темно!

— «Ночь въ полдень, ливень,—гребешъ сій!
— На щепнѣ — взмокъ — возьми.
И — цѣлыми деревьями
Въ глаза, въ виски, въ жасминъ!

Осанна тьмѣ Египетской.
Хохочутъ, шиблись — ницъ.
И вдругъ пахнуло выпиской
Изъ тысячи больницъ.

Теперь бѣжимъ ощипывать,
Какъ стонъ со ста гитаръ,
Омытый мглою липовой
Садовый Санъ-Готардъ.

«ДО ВСЕГО ЭТОГО БЫЛА ЗИМА».

Въ занавѣскахъ кружевныхъ —
Воронье.

Ужасъ стужи ужъ и въ нихъ
Заронень.

Это кружится октябрь,
Это жуть
Подобралась на когтяхъ
Къ этажу.

Что ни просьба, что ни стонъ,
То, кряхтя,
Заступаются шестомъ
За октябрь.

Вѣтеръ за руки схватилъ
Дерева
Гомяють лѣстницей съ квартиръ
По дрова.

Снѣгъ валится, и съ колѣнъ
— Въ магазинъ
Съ восклицаньемъ: сколько лѣтъ!
Сколько зимъ!

Сколько разъ онъ рытъ и бигъ,
Сколько имъ
Сыпанъ зимами съ копытъ
Кокаинъ!

— Мокрой солью съ облаковъ
И съ удиль,
Боль, какъ пятна съ башлыковъ,
Выводилъ.

«ИЗЪ СУЕВЪРЬЯ».

Коробка съ краснымъ померанцемъ
Моя каморка.
О, не объ номера жь мараться
По гробъ, до морга!

Я поселился здѣсь вторично
Изъ суетвѣрья.
Обоевъ цвѣтъ, какъ дубъ коричневъ,
И пѣнье двери.

Изъ рукъ не выпускалъ защелки,
Ты вырывалась,
И чубъ касался чудной челки
И губы — фіалокъ.

О, пѣженка, во имя прежнихъ,
И въ этотъ разъ твой
Нарядъ щебечеть, какъ подснѣжникъ,
Апрѣлю: здравствуй.

Грѣхъ думать, ты не изъ весталокъ:
Вошла со стуломъ,
Какъ съ полки жизнь мою достала,
И пыль обдула.

ПОДРАЖАТЕЛИ.

Пекло и берегъ былъ высокъ.
Съ подплывшей лодки цѣпь упала
Змѣей гремучею — въ песокъ
Гремучей ржавчиной — въ купаву.

И вышли двое подъ обрывъ
Хотѣлось крикнуть имъ: «Простите,
Но бросьтесь, будьте такъ добры,
Не врозь, такъ въ рѣку, какъ хотите.

Вы вѣрны лучшимъ образцамъ.
Конечно, ищущій обряцетъ,
Но... бросьте лодкою бряцать.
— Въ травѣ терзается образчикъ.»

«ОБРАЗЕЦЪ».

О бѣдный Homo Sapiens,
Существованье — гнетъ.
Былые годы, за поясъ
Одинъ такой заткнетъ.

Всѣ жили въ сушь и впроголодь,
Въ борьбѣ жесточась.
И никого не трогало,
Что чудо жизни — съ часъ.

Съ тѣхъ рукъ впивавши ландыши,
На тѣ глаза дыша,
Изъ ночи въ ночь валандавшись,
Гормя горить душа.

Одна изъ южныхъ мазанокъ
Была другихъ южнѣй,
И ползала, какъ пасынокъ,
Трава въ ногахъ у ней.

Сушился холстъ. Бросается
Еще сейчасъ къ груди
Плетень въ ночной красавицѣ,
Хоть годъ и позади.

Онъ незабвененъ тѣмъ еще,
Что пылью припухалъ,
Что вѣтеръ лускалъ сѣмечки
Сорилъ по лопухамъ,

Что незнакомой мальвою
Вель, какъ, слѣпца меня,
Чтобъ я тебя вымаливалъ
У каждаго плетня.

Сошелъ и сталъ окидывать
Тѣхъ новыхъ лужъ масла,
Разбѣгъ тѣхъ роцъ ракидовыхъ,
Куда я письма слалъ.

Мой поѣздъ только тронулся,
Еще вокзалъ, Москва,
Плясали въ кольцахъ, въ конусахъ
По насыпи, по рвамъ,

А ужъ гудѣли кобзами
Колодцы и, пылясь,
Скрипѣли, бились объ землю
Скирды и тополя.

ЗАМЪСТИТЕЛЬНИЦА.

Я живу съ твоей карточкой, съ той что хохочетъ,
У которой суставы въ запястьяхъ хрустять,
Той, что пальцы ломаетъ, и бросить не хочетъ
У которой гостять и гостять и грустять;

Что отъ треска колодь, отъ бравады Ракочи,
Отъ стекляшекъ въ гостиной, отъ стекла и гостей,
По пьанино въ огнѣ пробѣжится и вскочить
Отъ розетокъ, костяшекъ и розъ и костей.

Чтобъ прическу ослабивъ, и чайный и шалый,
Зачаженный бутонъ заколовъ за кушакъ,
Провальсировать къ славѣ, шутя, полушалокъ,
Закусивши какъ муку и еле дыша.

Чтобы комкая корку рукой, мандарины,
Холодящія дольки глотать торопясь
Въ опоясанный люстрой, позади за гардиной,
Заль испариной вальса запахшій опять.

Такъ съль бы вихрь, чтобъ на пари
Пары паровъ въ пути
И мглу и иглы, какъ мюридъ,
Не жмуря глаза снести.

И объявить, что не скакунъ
Не шалый шопотъ горь,
Но эти розы на боку
Несутъ во весь опоръ.

Не онъ, не онъ, не шопоть горъ
Не онъ, не топъ подковъ,
Но только то, но только то,
Что стянута платкомъ.

И только то, что тюль и токъ,
Душа, кушакъ и въ тактъ
Смерчу умчавшійся носокъ
Несутъ, шутя въ мечтахъ.

Имъ, имъ,— и отъ души смѣша
И до упаду, въ лоскъ,
На зависть мчащимся мѣшкамъ
До слезъ! — До слезъ!

ВТОРОЙ КРУГЪ ВЕСНЫ.

И на становищахъ весны
Установивъ живыя влаги,
Нежданно вырастаютъ сны
Первоцвѣтениемъ купавы.

Такой же благовѣсть рѣки!
Такой же крестъ, — такой же отдыхъ
И на повѣтріяхъ ольхи
Хмельные буйственные вздохи.

И влагу холода пріявъ
Въ развернутыя мірозданья
Ты — нѣжная, нѣмая явь
И пѣвческой твоей вѣченъ данникъ.

Природа сѣверо устала
Лелеять небытійно сны,
Стовѣтвиемъ — столѣтье тала,
Что явственная синь весны.

На изумрудныя поруки
Отдавъ въ разливъ иной февраль,
Поетъ весеннейшею вьюгой,
По русламъ рвущуюся даль.

ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ — ВЕСНЫ.

Пой и пой въ весеннемъ дымѣ,
Самозабвеніе временъ,
Доколѣ закипаетъ дивій
Вѣками накопленный лень.

Ты возвела, велѣла лѣту,
Чтобъ выросъ выпренный въ тебѣ
Взмывая небосиній вѣтеръ
Наперекоръ рѣчанный нѣдръ.

Но ты воспоена, стихія,
Въ подвѣтренные камыши,
Что тишью отошедшей стынетъ
Степей распѣвочная ширь.

И новями понуро приметъ
Копье всепьяная земля,
И сдержитъ жертвенникъ даримый
Поверхъ вскипѣвшаго стебля.

Ты въ вѣтрѣ вспоминаешь прежнемъ
Береговыхъ міровъ загаръ,
Косноязычьемъ человѣчьимъ
Вѣщаешь октября пожаръ.

Пой и пой въ весеннемъ дымѣ
Иныя новины небесь,
Твое свѣтлѣющее имя,
Полями вѣющую пѣснь.

Петербургъ 1919.

ИЗЪ КНИГИ «КОРАБЛИ».

1.

18 октября 1919 г.

Поющая, вопиющая, взывающая, глаголящая
орда

Кричитъ, бѣжитъ, куда?

Слышенъ многоголосый пьяный вой,

— Домой, домой, домой.

Не плугомъ вспахана, не дождями полита,

Танками вспахана, кровью — потомъ полита,

Земля теплая, нѣжная, черная.

Близко крыльями машутъ вороны.

— Какіе цвѣты вырастутъ здѣсь весной?

— Все равно, бѣжимъ со мной.

Падаютъ лошади, люди, орудія.

А крикъ изъ единой разодранной груди

— Домой, домой, домой.

— Стой!

Автомобильный звѣриный рыкъ.

Несказанный, ужасный, сіяющій ликъ.

— Михаилъ... съ нами Михаилъ Архистратигъ!

— Видишь, въ рукъ огненный мечъ?

— Отъ сіянія бы на земь лечь,

— Городъ приказано уберечь.

Не рѣка полилась вспять,

Люди пошли умирать.

Горѣли надъ Пулковымъ черной зарей небеса.

Снились уже разъ человѣчеству эти глаза,

Когда въ грозѣ и въ огнѣ
Надъ Европой летѣлъ, какъ смерчъ,
Корсиканецъ на бѣломъ конѣ,
И спали въ рукахъ у него близнецы — Побѣда
и Смерть.

Весна 1920.

2.

Подъ знакомъ Стрѣльца, огненной мѣдью
Расцвѣталъ единый Октябрь.
Вышелъ огромный корабль
И тѣнью покрылъ столѣтья
Стало игрушкой взятъе Бастиліи,
Римъ, твои державные камни — пылью.
Въ жилахъ побѣдителей волчья кровь,
Съ молокомъ волчицы всосали волчью любовь.
И въ Россіи моей, окровавленной, побѣдной
или плѣнной,
Бьется трепетное сердце вселенной,

Весна 1920.

3.

А. М. Ремизову.

Бываютъ же на свѣтѣ лимонныя рощи,
 Зима, рождающая вдоволь хлѣба,
 Нестерпимо теплое, фіалковое небо,
 И въ узорныхъ соборахъ тысячелѣтнія
 нестрашныя мощи.

И гуляютъ тамъ съ золотыми пустыми
 бубенчиками въ груди люди.
 Господи, Ты самый справедливый изъ всѣхъ
 судей,
 Зачѣмъ же судилъ Ты, чтобы наша жизнь была
 такъ темна и такъ убога,
 Что самая легкая изъ всѣхъ нашихъ дорогъ —
 къ Тебѣ дорога?
 Почему у насъ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни вина,
 ни хлѣба,
 И надъ нами торчитъ, какъ черная крышка,
 небо?

А Богъ отвѣчаетъ: хмельнѣ вина,
 Жарче огня, скрытнѣй земли, глубже воды,
 Утѣшнѣ сна,
 Сладше, чѣмъ всѣ земные плоды —
 Подарена вамъ любовь,
 Теплая и соленая, какъ кровь.

Осень 1919.

4.

Безумнымъ табуномъ неслись года.
 Они зачтутся Богомъ за столѣтья —
 Нагая смерть гуляла безъ стыда,
 И разучились улыбаться дѣти,
 И мы узнали мѣру всѣхъ вещей,
 И стала смерть единственнымъ мѣриломъ
 Любви окрыленной иль безкрылой
 И о любви суетныхъ рѣчей.
 А сердце — горестный «Титаникъ» новый
 Въ Атлантовыхъ почіеть глубинахъ,
 И корабли надъ нимъ плывутъ въ оковахъ,
 Въ броняхъ тяжелыхъ и тяжелыхъ снахъ.
 Земля, нѣжнѣйшая звѣзда Господня,
 Забвенья нѣтъ въ твоихъ моряхъ глухихъ,
 Покоя нѣтъ въ твоихъ садахъ густыхъ,
 Въ червонныхъ зоряхъ, — но въ ночи безплодной
 Взлетаетъ стихъ, какъ лезвіе холодный.

Лето 1920.

Сергѣй Рафаловичъ.

ТИФЛИСЪ.

Сѣдой, но радостный, какъ дѣти,
Сбѣгая въ доль съ крутой горы,
Слѣдитъ онъ токъ тысячелѣтій
Въ расколотомъ стеклѣ Куры.

Вѣнецъ поблекъ, но кровь не стынетъ,
Рука сжимаетъ острый ножъ.
Въ нарядѣ модномъ онъ и нынѣ
На европейца не похожъ.

Дома высокіе, трамваи,
Мотора лающій гудокъ,
И бѣлый томикъ Бѣлой Стаи —
Тоскливый сѣверный цвѣтокъ.

А рядомъ, посреди витрины,
Портретъ съ мясистой головой
Свободы новой мѣщанина,
Пигмея съ рѣчью громовой.

Все тутъ, какъ тамъ, гдѣ смуты бурной
Посѣвы ярые взошли.
Но ласковѣй просторъ лазурный,
Лѣнивѣй чаянья земли.

Кого прельстятъ чужія страны?
Какой свободѣ строить храмъ,
Пока надъ Вѣрой есть духаны,
Для рыцарей прекрасныхъ дамъ?

Все переживъ и все извѣдавъ,
Чьихъ ранъ коснуться, какъ Ома,
И что имъ русскій Грибоѣдовъ
И наше Горе отъ Ума?

Но въ предначертанномъ предѣлѣ
Послѣдній свой познавъ расцвѣтъ
Гордится Шотой Руставели
Тифлисъ восьмую сотню лѣтъ.

ИЗЪ КНИГИ «ӨИМИАМЫ».

1.

Скиөскія, суровыя дали,
Холодная, темная, родина моя,
Гдѣ я изнемогъ отъ печали,
Гдѣ змѣя душитъ моего соловья!
Родился бы я на Мадагаскарѣ,
Говорилъ бы нарѣчіемъ, гдѣ много а,
Слагалъ бы я поэмы о любовномъ пожарѣ,
О нагихъ красавицахъ на острогѣ Самоа.
Дома ходилъ бы я совсѣмъ голый,
Только малою алою тканью бедра объявѣ.
Упивался бы я, безкрайно веселый,
Дыханьемъ тропическихъ травъ.

2.

Всѣ земныя дороги
Въ раздѣленіяхъ зла и добра,
Всеблаженные боги,
Только ваша игра!
Вы безпечны и юны,
Вамъ бы только играть,
И ковать золотые перуны,
И лучами сіять.
Оттого, что васъ трое,
Между вами раздоръ не живетъ.
И одно и другое
Къ единенію Воля ведетъ.

3.

Я испыталъ превратности судебъ,
 И видѣлъ много на земномъ просторѣ,
 Трудомъ я добывалъ свой хлѣбъ,
 И веселье былъ, и мыкалъ горе.
 На милой, мной извѣданной землѣ,
 Уже ничто теперь меня не держитъ,
 И пусть таящійся во мглѣ
 Меня стремительно повержетъ.
 Но есть одно, чему всегда я радъ,
 И съ чѣмъ всегда бываю свѣтло-молодъ —
 Мой трудъ. Иныхъ земныхъ награды
 Не жду за здѣшній дикій холодъ.
 Когда меня у входа въ Парадизъ
 Суровый Петръ, гремя ключами, спроситъ:
 — Что дѣлалъ ты? — меня онъ внизъ
 Желѣзнымъ посохомъ не сброситъ.
 Скажу — слагалъ романы и стихи,
 И утѣшалъ, но и взодилъ въ соблазны,
 И вообще мои грѣхи,
 Апостоль Петръ, многообразны.
 Но я — поэтъ. — И улыбнется онъ,
 И разорветъ грѣховъ рукописанье.
 И смѣло въ рай войду, прощень,
 Внимать святое ликованье.
 Не затеряется и голосъ мой
 Въ хваленьяхъ ангельскихъ, горящихъ ясно,
 Земля была моею тюрьмой,
 Но здѣсь я прожилъ не напрасно.
 Горячій духъ земныхъ моихъ отравъ,
 Невѣдомыхъ чистѣйшимъ серафимамъ,
 Въ благоуханье райскихъ травъ
 Вольется благовоннымъ дымомъ.

4.

Зачѣмъ любить? Земля не стоитъ
Любви твоей.

Пройди надъ ней, какъ астероидъ,
Пройди скорѣй.

Среди холодной атмосферы
На мигъ блесни,

Яви мгновенный свѣточъ вѣры
И схорони.

5.

Все, что вскругъ себя, знаю,
Только мистическій кругъ.
Самъ ли себя замыкаю
Въ темное зарево выюгъ?
Или иного забавить
Ровная плоскость игры,
Гдѣ онъ улыбочиво ставитъ
Малые наши міры?
Знаю, что скоро открою
Близкіе духу края.
Міродержавной игрою
Буду утѣшенъ и я.

Диръ Туманный.

МОСКОВСКАЯ АМЕРИКА.

Самогонки ковшикъ мнѣ отмѣряй-ка,
А потомъ бери стаканъ и пей!
Вотъ она — Московская Америка,
Съ языкомъ и нравами степей!
Годъ назадъ грабители не эти ли
Надрывались изъ за фунтика муки?
Выползайте на поминки добродѣтели,
Проститутки, босяки и «рыбаки»!
Эй, пріятель! Испугался, видно, ночи то,
Что нахмурился, волнуясь и ворча?
Видно лучше жизнь голоднаго рабочаго,
Чѣмъ нетрудная работа по ночамъ?
Подъ рукой бутылочка со втулочкой,
И торчить за пазухой ноганъ.
Буду ждать въ укромномъ переулочкѣ
Не пройдетъ ли старая карга.
Мнѣ пріятнѣй чистить старыхъ шляпъ,
Но потомъ, отъ холода дрожа:
— Выворачивай карманы, барышня,
Подъ угрозой засапожнаго ножа!
Не умѣю разводить амуры я,
Да такая жизнь и не по мнѣ.
Буду жить, пока солдаты хмурые
Не приставятъ къ каменной стѣнѣ.
На дорогу мнѣ бутылочку отмѣряй-ка,
А потомъ бери стаканъ и пей!
Вотъ она — Московская Америка,
Съ языкомъ и нравами степей!

1920 г.

ЦАРЮ НА ПАСХУ.

Настежъ, настежъ,
Царскія врата.
Сгасла, схлынула чернота.
Чистымъ жаромъ
Горитъ алтарь.
— Христось Воскресе,
Вчерашній царь!

Паль безъ славы
Орель двуглавый.
— Царь! — Вы были неправы.

Помянетъ потомство
Еще не разъ —
Византійское вѣроломство
Вашихъ ясныхъ глазъ.

Ваши судьи —,
Гроза и валъ!
— Царь! — Не люди, —
Вась Богъ взыскаль!

Но пынче Пасха
По всей странѣ,
Спскойно спите
Въ своемъ Селѣ,
Не видьте красныхъ
Знамень во снѣ.

Царь I — Потомки
И предки — сонъ.
Есть — котомка,
Коль отнять -- тронъ.

2-го апр. 1917 г. 1-ый день Пасхи.

* * *

Андрей Шенье взошелъ на эшафотъ.
А я живу — и это страшный грѣхъ.
Есть времена — желѣзныя — для всѣхъ.
И не пѣвецъ, — кто въ порохѣ — поеть.

И не отецъ, кто съ сына у воротъ
Дрожа срываетъ воинскій доспѣхъ.
Есть времена, гдѣ солнце — смертный грѣхъ.
Не человѣкъ — кто въ наши дни — живетъ.

29 марта 1918.

Царь I — Потомки
И предки — сонъ.
Есть — котомка,
Коль отнять -- тронъ.

2-го апр. 1917 г. 1-ый день Пасхи.

* * *

Андрей Шенье взошелъ на эшафотъ.
А я живу — и это страшный грѣхъ.
Есть времена — желѣзныя — для всѣхъ.
И не пѣвецъ, — кто въ порохѣ — поетъ.

И не отецъ, кто съ сына у воротъ
Дрожа срываетъ воинскій доспѣхъ.
Есть времена, гдѣ солнце — смертный грѣхъ.
Не человѣкъ — кто въ наши дни — живетъ.

29 марта 1918.

* * *

И страшные мнѣ снятся сны:
Телѣга красная,
За ней — согбенные — моей
Идутъ сыны.

Золотокудраго воздѣвъ
Ребенка — матери
Вопять — на паперти,
На стягъ
Пурпуровой маша рукой безпалой,
Вопить калѣка, тряпкой алой,
Горить безногаго костыль.
И красная — до неба — пыль,
Вздымается девятымъ валомъ.

Колеса ржавыя скрипятъ,
Конь пляшетъ взбѣшенный.
Всѣ окна флагами кипятъ.
Одно — завѣшено.

Ноябрь 1920.

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингизь-Хань ей — и что орда!
Два на міру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитыхъ:
Голодъ голодныхъ—и сытость сытыхъ!

5 авг. 1918.

* * *

— Охъ, грибокъ ты мой, грибочекъ, бѣлый
груздь!—

То шатаюсь причитаю въ полѣ — Русь.

— Помогите, — на ногахъ не тверда!

Отуманила меня кровь - руда!

И справа и слѣва

Кровавые зѣвы,

И каждая рана:

— Мама!

И только и это,

И внятно мнѣ, пьяной,

Изъ чрева — и въ чрево:

— Мама!

Всѣ рядкомъ лежать, —

Не развестъ межой!

Поглядѣть: солдатъ!

Гдѣ свой, гдѣ чужой?

Бѣлый былъ — краснымъ сталъ,

Кровь обагрила.

Краснымъ былъ — бѣлый сталъ,

Смерть побѣлила.

Кто ты? — Бѣлый? — Не пойму! — Привстань!

Аль у красныхъ пропадалъ? — Рязань.

И справа и слева,
И сзади и прямо,
И красный и белый:
— Мама!

Безъ воли — безъ гнѣва —
Протяжно — упрямо —
До самаго неба:
— Мама!

Декабря 1920.

ЗА НАСЪ ТОСТЪ

Мы послѣдніе въ нашей кастѣ
И жить намъ недолгій срокъ!
Мы — коробейники счастья,
Кустари задушевныхъ строкъ.
Скоро вытекутъ на смѣну оравы
Не знающихъ сгустковъ въ крози,
Машинисты желѣзной славы
И ремесленники любви.
И въ жизни оставятъ мѣсто
Свободнымъ отъ машинъ и основъ:
Семь минутъ для ласки невѣсты,
Три секунды въ день для стихозъ.
Со стальными, какъ рельсы, нервами
(Не въ хулу говорю, а въ лестъ),
Отъ двѣнадцати до полчася перваго
Будутъ молиться и ѣсть!
Торопитесь же, дѣвушки, женщины;
Влюбляйтесь въ пѣвцовъ чудесь.
Мы пока послѣднія трещины,
Что не залилъ въ мірѣ прогрессъ!
Мы послѣдніе въ нашей династїи,
Такъ любите жъ въ оставшійся срокъ
Насъ, коробейниковъ счастья,
Кустарей задушевныхъ строкъ!

ЛЮДОВИКУ XVII.

Я помню съ матерней печалью
И крысъ — отраву дѣтскихъ дней,
Что въ чашкѣ глиняной твоей
Тюремный ужинъ доѣдали.

И на рубашкахъ кружевныхъ
Въ конецъ изодранные локти
И жалкихъ дѣтскихъ рукъ твоихъ
О дверь обломанные ногти.

И лица часовыхъ въ дозорѣ
И Тампля узкій, тайный дворъ,
И слышится мнѣ до сихъ поръ
Твой плачь прерывистый и горькій.

Но мать къ испуганнымъ объятямъ
Не простирала нѣжныхъ рукъ,
И не ее твой слабый стукъ
Будилъ въ пустынномъ казематѣ.

Народной ярости не вновѣ
Смиряться страшною игрой
Тебѣ, Семнадцатый Людовикъ,
Сталь братомъ Алексѣй Второй.

И онъ принесъ свой выкупъ древній
За горевыхъ пожаровъ чадъ,
За то, что мерли по деревни
Милльоны каждый годъ ребятъ,

За ихъ отцовъ разгуль кабацкій
И за покрытый кровью шляхъ,
За хрустъ костей въ могилахъ братскихъ
Въ Манчжурскихъ и иныхъ поляхъ,

За матерей сухія спины,
За ранній, горькій, блескъ сѣдинъ,
За Геси Гельфманъ въ часъ родинъ
Насильно отнятаго сына.

За братьевъ всѣхъ своихъ опальныхъ,
За всѣ могилы безъ отмѣтъ,
Что Русь въ синодикъ поминальный
Записывала триста лѣтъ.

За жаркій югъ, за сѣверъ гиблый —
Исполненъ надъ тобой и имъ,
Неукоснительно чинимъ
Законъ неумолимыхъ библий,

Но помню горестно и ясно:
Я мать. И нашъ законъ простой —
Мы къ этой крови непричастны,
Какъ непричастны были къ той.

СПБ. 1920.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Замшѣлый стѣнъ сѣдая вязь,
Какъ не отдать послѣдней чести
И какъ пройти не поклонясь
Петровой каменной невѣстѣ?

Стоишь на смерть Петру вѣрна,
И вѣчно горькой крови нашей
Къ твоимъ губамъ поднесена
Неупиваемая чаша.

29 авг. 1920.

И. Эренбургу.

Какъ часто на Montparnasse'ѣ грезилъ я
вдумчиво и привычно объ Исаакіи въ темной
рясѣ, о Библиотекѣ Публичной.

Возглашала горькіе тосты со своею тоской
всегдашней, за Неву съ Литейнаго Моста, за
задумчивую водопроводную башню, и даже
(тоска безмѣрна!) за Предварилку, что на Шпа-
лерной.

А теперь на Марсовомъ полѣ, безтрамвай-
ной, безсвѣтной ночью вспоминаю съ такою
болью парижскія фонарныя очи. И грущу о
звонкахъ вокзальныхъ, о синема зеркальныхъ, о
гудкахъ фабричныхъ, намъ теперь такихъ не-
привычныхъ, о всемъ, что на жизнь похоже
и даже (прости мнѣ Боже!) о шоколадѣ и о
пирожныхъ.

С.П.Б. 1918.

МОСКОВСКІЯ РАЗДУМЬЯ.

1.

Москва, Москва! Безбытье необжитыхъ будней,
И жизни чернота у жалкаго огня.
Воистину великъ и скудень,
Зачинъ невѣдомаго дня.
Идетъ, и шагъ его чугуненъ
По нѣжной розсыпи снѣговъ, въ овьюженномъ
Кремлѣ.

Какое варварское однодумье,
На неуступчивомъ челѣ!
Кругомъ забвенное посмертье,
Послѣдній плачь тамъ, за Москва-рѣкой умолкъ.
Онъ на снѣгу еще невыпавшія тѣни чертитъ:
Стекло, желѣзо, толпы толпъ.
А тамъ, въ домахъ, гдѣ сонъ вѣковъ поруганъ,
Разсѣчена еще влачится жизнь.
И щедро мы скрѣпляемъ кровью скудной
Таинственные чертежи.
Надъ золотой землей, далекой медоносной,
Свѣтило легкое, пльви, гори!
Но я не отрекусь отъ трепыханья коснаго
Моей обезображенной зари!

2.

Средь снѣговъ, дыша тоской и дымомъ,
Въ каменныхъ лохмотьяхъ, скроенныхъ вчера,
Мы, туземцы опрокинутаго Рима,
Ищемъ хлѣба кусъ и мѣсто у костра.
Революція, трудны твои уставы!
Схиму новую познали мы:
Нищихъ духомъ, роковую правду,
И косноязычные псалмы.
Что жъ ты, сердце, тщишься вызвать къ жизни,
Юные года въ міру:
Средь огней Парижа, голубыхъ и сизыхъ
Запахъ ландыша и пламень смуглыхъ рукъ,
Флорентійскихъ башенъ камень теплый въ
полдень,
Розовый, какъ роцъ окрестъ миндаль.
О, помедли, колесница солнца,
Ибо въ радости твоей печаль!
Но несутся огненные кони...
Въ эти скудные томительные дни
Я благославляю смерть въ родимомъ домѣ,
И въ рукахъ пришельцевъ головни.
Есть величье въ бѣгѣ звѣздъ и истинъ,
На востокъ великій караванъ плыветъ,
И одинъ отставшій, вспомнивъ прежнихъ роцъ
пріютъ тѣнистый,
На минуту медлитъ, а потомъ идетъ впередъ.

3.

Провижу грозный городъ — улей,
 Стекло и сталь безликихъ сотъ,
 И умудренный трудъ, и карнавалъ средь
 гулкихъ улицъ

Похожій на военный смотръ,
 На пустыри мои уже ложатся тѣни,
 Спиралей и винтовъ иныхъ временъ.
 Такъ вотъ оно — ярмо великаго равненья,
 И рая новаго бетонъ!
 Припомнивъ прежнихъ дней уютъ размытый,
 Души былой пѣвучій строй и ходъ,
 Какой-нибудь Евгенийъ сноза возмутится
 И каменнаго истукана проклянетъ,
 Усмѣшку глазъ и ликъ монгольскій,
 И этотъ трезвенный восторгъ,
 Поправшаго змѣи златыя кольца
 Копытами неисчислимыхъ ордъ.
 Дитя, прочти о нашихъ дняхъ кровавыхъ,
 Ихъ было много, и въ горячечномъ бреду,
 Они не разъ пытались выхватить изъ рукъ
 корявыхъ

Желѣзную узду.
 Гдѣ сѣчи шли, гдѣ дѣды умирали
 На бархатѣ покоится музейная змѣя,
 Погладь ее — она уже не жалитъ
 Копыта опустившаго коня.

4.

Кому предамъ прозрѣнья этой книги?
Мой вѣкъ среди растущихъ водъ
Земли ужъ близкой не увидитъ,
Масличной вѣтви не пойметъ.
Ревнивое встаетъ надъ міромъ утро,
И эти годы не разноязычій сѣчь,
Но только трудъ кровавой повитухи,
Пришедшей, чтобъ дитя отъ матери отсѣчь.
Да будетъ такъ! Отъ этихъ дней безлюбыхъ,
Кидаю я въ вѣка пѣвучій мостъ,
концомъ другимъ онъ обопрется о винты и
кубы,
Очеловѣченныхъ машинъ и звѣздъ.
Какъ полдень золотого вѣка будетъ свѣтель,
Какъ небо возсинѣетъ послѣ злой грозы,
И претворятся соки варварской лозы,
Въ прозрачное вино тысячелѣтій.
И нѣкій человѣкъ, въ тѣни книгохранилищъ,
Прочтетъ мои стихи, какъ ихъ читали встарь,
Услышитъ ѣдкій запахъ сѣдины и пыли,
Заглянетъ можетъ быть въ словарь.
Средь мишуры былой и словъ убогихъ,
Средь лѣтописи давнихъ смуть,
Увидитъ человѣка, умирающаго на порогѣ,
Съ лицомъ повернутымъ къ нему.

5.

О проще возвести невиданныя пирамиды,
Чѣмъ малую свободу взять на рамена!
Неотразимо искушеніе легчайшимъ игомъ,
И золотая цѣпь нѣжна.
Кто крови счетъ ведетъ пролитой?
Безликій міръ — не я, не я! . .
Твой поцѣлуй, Великій Инквизиторъ,
Запечатлѣнь на русскихъ пустыряхъ.
И снова міръ и снова Римъ,
И снова горделивый зодчій,
Величьемъ камня одержимъ,
Былишку маленькую топчетъ.
Но вѣрь, въ пустыхъ очахъ младенца,
Огонь похищенный живетъ,
И смольный факель, врытый въ землю,
Двойнымъ горѣніемъ встаетъ.

6.

Какая жалкая разсада,
 Въ младенчествѣ уже опалена,
 И тщетно скудоумный виноградарь,
 Чаны готовить для вина.
 Еще не разъ гремя побѣдной мѣдью,
 Пройдетъ по пустырямъ Россіи смерть,
 Не этотъ заржавѣлый серпъ,
 Сберегъ великое наслѣдье.
 Блаженъ кто въ хроникѣ убогой,
 Узрѣетъ нѣкій дивный мифъ,
 Въ уродцѣ — титаническій прообразъ,
 Атласа подпирающаго міръ,
 Я вижу ночь, и тѣнь мою, и горе.
 Забылъ любви слова и мѣру мѣръ.
 Онъ далъ уста — молить и спорить,
 Но наложилъ на нихъ тяжелый перстъ.
 Простите мнѣ разноголосье сновъ,
 Простите звонкія стекляшки слезы,
 И этотъ неувѣренный, почти неслышный
 возгласъ,
 Одинъ, въ ночи, до первыхъ пѣтуховъ.

Москва 1921.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе И. Эренбурга .	3
Адались.	
Дѣла любви несложны и невинны .	9
Ахъ, на глаза-ль твои, на губы-ль	10
Павель Антокольскій.	
Мѣдный всадникъ . . .	11
На рожденіе младенца	12
Анна Ахматова.	
Чѣмъ хуже этотъ вѣкъ...	14
Александръ Блокъ.	
Надъ старымъ мракомъ міровымъ	15
Смѣялись бѣдныя невѣжды	16
Въ тѣ дни, когда душа трепещеть	17
Валерій Брюсовъ.	
Помню, помню: вечеръ нѣжный	18
Третья осень	19
Classische Walpurgisnacht .	21
Сергѣй Буданцевъ.	
Россіи	23
День	25
Михаиль Герасимовъ.	
Изъ поэмы „Октябрь“ . . .	26
Заснѣжилъ жижу въ лужахъ .	27
Эммануиль Германъ.	
Изъ „Стиховъ о Москвѣ“ .	28
Н. Гумилевъ.	
Заблудившійся трамвай	30
Софья Дубнова.	
Изъ книги „Мать“	32
Сергѣй Есенинъ.	
Изъ книги „Исповѣдь Хулигана“	33
Изъ „Сорокоуста“	35
Отрывокъ изъ „Исповѣди Хулигана“	37
Изъ книги „Трерядница“	38
Пѣснь о собакѣ	40

Клюеву	41
Изъ поэмы „Кобыльи корабли“	42
Вячеславъ Ивановъ.	
Гимны Эросу	43
Тебѣ хвала, въ чьихъ львиныхъ лапахъ	45
Зимніе сонеты:	
Скользятъ полозья. Свѣтель мертвый снѣгъ	46
Незримый вождь глухихъ моихъ дорогъ	47
Зима души . Косымъ издалика . . .	48
Преполовилась темная зима	49
Рысучій волхвъ, воръ лютый, сѣрый волкъ	50
Ночь новолунья. А морозъ лютѣй . . .	51
Худую кровлю треплетъ вѣтръ	52
Какъ мѣсячно и бѣло на дорогахъ	53
Твое именованіе — Сиротство	54
Бездомныхъ, Боже, пріюти!	55
Далече ухнетъ въ полѣ вѣтръ ночной .	56
То явь иль сонъ предутренній, когда . .	57
Рюрикъ Ивневъ.	
Изъ книги „Солнце въ гробѣ“	58
Изъ книги „Пламя язвъ“	61
Вѣра Ильина.	
Хлестать вѣтровыми плетями	64
Ты ль у отчизны пасынокъ	65
Василій Казинъ.	
Охъ, праздникъ, и какой пустой!	66
Василій Каменскій.	
Изъ книги „Сердце Народное Стенька Разинъ“	68
Вячеславъ Ковалевскій.	
Плачь по красноармейцамъ	72
Бенедиктъ Лившицъ.	
Новая Голландія	74
Осипъ Мандельштамъ.	
Сестры,—тяжесть и нѣжность, одинаковы ваши примѣты	75
Анатолій Мариенгофъ.	
Изъ книги „Тучелетъ“	76
Владиміръ Маяковскій.	
Нашъ маршъ	78
Приказъ по арміи искусства	79

Вѣра Меркурьева.	
Прокимень	81
Борисъ Пастернакъ.	
Изъ книги „Сестра моя жизнь“	82
Ты въ вѣтрѣ вѣткой пробуящемъ	83
Дождь	84
До всего этого была зима	85
Изъ суевѣрья	86
Подражатели	87
Образецъ	88
Замѣстительница	90
Григорій Петниковъ.	
Второй кругъ весны	92
Поэзія войны—весны	93
Анна Радлова.	
Изъ книги „Корабли“	94
Сергій Рафаловичъ.	
Тифлисъ	99
Федоръ Сологубъ.	
Изъ книги „Оиміамы“	101
Диръ Туманный.	
Московская Америка	106
Марина Цвѣтаева.	
Царю на Пасху	107
Андрей Шенье взошелъ на эшафотъ	109
И страшные мнѣ снятся сны	110
Если душа родилась крылатой	111
Я эту книгу поручаю вѣтру	112
Охъ, грибокъ ты мой, грибочекъ бѣлый	113
груздь	113
Вадимъ Шершеневичъ.	
За насъ тость	115
Марія Шкапская.	
Людовику XVII	116
Петровавловская крѣпость	118
Какъ часто на Montparnasse'ѣ	119
И. Эренбургъ.	
Московскія раздумья	120

№ 18-19. **Гр. Ал. К. Толстой.** Царь Ѳедоръ
Иоанновичъ.

№ 20. **Тэффи.** Стамбуль и солнце.

№ 21. **А. П. Чеховъ.** Мелкія пьесы.

№ 22. **В. Г. Короленко,** Разказы.

№ 23. **Юрій Слезкинъ.** Чемоданъ.

№ 24-25. **Л. Н. Толстой.** Крейцера соната.

№ 26. **И. Ѳ. Горбуновъ.** Разказы.

№ 27. **А. Н. Апухтинъ.** Лирика.

№ 28. **А. П. Чеховъ.** Юморист. разказы.

№ 29-30. **Гр. Ал. К. Толстой.** Царь Борисъ.

№ 31-32. **Ѳ. Достоевскій.** Бѣлыя ночи, —
Ползунковъ. — Честный воръ. — Елка и свадьба.

№ 33. **Л. Толстой.** Дьяволъ.

№ 34. **А. П. Чеховъ.** Дѣтвора.

№ 35. **А. И. Герценъ.** Долгъ прежде всего.
(Повѣсть).

№ 36. **Бернгардъ Келлерманъ.** Святые.

№ 37. **Н. В. Гоголь.** Игроки. — Утро дѣло-
вого человѣка. — Лакейская.

№ 38. **С. Я. Надсонъ.** Стихи.

№ 39. **А. П. Чеховъ.** Бытовые разказы.

№ 40. **А. С. Пушкинъ.** Сказки.

№ 41. **А. М. Дроздовъ.** Чертополохъ.

№ 42. **А. Н. Майковъ.** Стихи.

№ 43. **Н. А. Некрасовъ.** Русскія женщины.

№ 44-45. **Л. Толстой.** Власть тьмы.

№ 46. **А. И. Герценъ.** Русскій народъ и
соціализмъ.

№ 47. **Н. С. Лѣсковъ.** Леди Макбетъ Мцен-
скаго уѣзда.

№ 48. **Л. Толстой.** Отецъ Сергій:

№ 49. **Гр. Ал. К. Толстой.** Лирика.

№ 50-51. **Антологія современной поэзіи.**
(Анненскій, Ахматова, Волошинъ, Гумилевъ и др.)

№ 52. **Н. С. Лѣсковъ.** Лѣвша. — Пустоплясы.

- № 53. Л. Толстой. Живой трупъ.
 № 54. М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы.
 № 55. Вл. Крымовъ. Странные рассказы.
 № 56. М. Ю. Лермонтовъ. Лирика.
 № 57-58. Поэзія революціонной Москвы.
 Подъ ред. И. Эренбурга.
 № 59. Владимиръ Соловьевъ. Еврейство
 и христіанскій вопросъ.
 № 60. Илья Эренбургъ. Кануны. (Стихи
 1915-1921 г.)
 № 61. И. И. Мясницкій. Смѣха ради.
 № 62. С. Л. Поляковъ. Лабиринтъ.
 № 63. Эдгаръ Поэ. Золотой жукъ.
 № 64. Ф. Ивановъ. Узоръ старинный.
 № 65. И. Василевскій (Не Буква). Литературные
 силуэты.
 № 66-67. Н. Гумилевъ. Жемчуга.
 № 68. Н. Гумилевъ. Дитя Аллаха.
 № 69. Гр. Ал. Ник. Толстой. День Петра.
 № 70. Гр. Ал. Н. Толстой. Прекрасная дама.
 № 71-72. Антологія современной нѣмецкой
 поэзіи.
 № 73. Алексѣй Ремизовъ. Пѣтушокъ.
 № 74-75-76. Ф. Достоевскій. Записки изъ
 подполья.
 № 77. Гр. А. К. Толстой. Баллады.
 № 78. А. Гольденвейзеръ. Якобинницы
 большевики (психологическія параллели)

— ■ —

Цѣна выпуска 4 марки.

(двойные -- 8 марокъ).

Для странъ, имѣющихъ высшую, противъ германской
 валюту, надбавка въ 100%.

ЦѢНА 8 МАРОКЪ.